

Уроки
обольщения

В объятиях
порочного
герцога

АЛЕКСАНДРА
ХОУКИНЗ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Лондон, 1792 год. Закадычные друзья и повесы Герцог Блекберн и маркиз Норгрейв заключают пари. Победителем станет тот, кто соблазнит невинную красавицу Иможен, дочь герцога Треветта. Но Блекберн неожиданно влюбляется в девушку. Таких сильных чувств он никогда прежде не испытывал! Теперь вчерашний развращенный сердцеед, не знавший отказов, боится, что правда откроется и он навсегда потеряет любимую!

Александра Хоукинз

В объятиях порочного герцога

* * *

Одного лишь умения завоевывать недостаточно; нужно еще научиться обольщать.

Вольтер

4 марта 1792 года Молвент-Коммонс, Англия

Норгрейв совсем спятил...

Сжимая одной рукой рукоять зачехленного короткого меча, а другой – теплую стальную ручку фонаря, Тристан Бейли Рук, герцог Блекберн, не спускал глаз с друга, ловко парировавшего выпады противника. Лязг оружия эхом отдавался в ночи, а выражение лица у Норгрейва было такое, словно перед ним не призрак Смерти, а очередная леди, которую он хочет соблазнить.

Ни один здравомыслящий человек не стал бы драться на дуэли ночью, да еще в такой туман, но алкоголь и гордыня легко затуманивают джентльмену рассудок. Когда виконт Кэкстон опрокинул стоящий перед маркизом стакан с бренди и заявил, что требует сатисфакции, Норгрейв без колебаний согласился.

Кэкстон был настолько ослеплен праведным гневом, что не заметил подвоха. И, если бы он ограничился оскорблениями только в адрес Норгрейва, Тристан, конечно, предупредил бы его, что потенциальный противник великолепно владеет мечом и прекрасно стреляет.

Что ж, милорд, пеняйте на себя!

И не важно, справедливы обвинения или нет: своими инсинуациями виконт заслужил хорошую взбучку, поэтому Кейзон Brent, маркиз Норгрейв, был настроен засунуть их ему обратно в глотку все, до последнего слова.

– Уже выдохлись, милорд? Неужели рука устала? – Норгрейв неодобрительно прищелкнул языком. – Сдаться не желаете?

– Представьте себе, нет! – оскалился Кэкстон. Он сделал выпад, но клинок так и не достиг цели: Норгрейв увернулся буквально в последнюю секунду. – Я буду драться, пока вы передо мной не извинитесь!

Тристан посмотрел на второго секунданта. Тот наблюдал за схваткой с беспокойством собаки, которой не терпится сорваться с цепи. Обнажив меч, этот господин расхаживал взад-вперед в непосредственной близости от дуэлянтов, и Тристан допускал, что он может вмешаться, таким образом обеспечив своему другу преимущество.

Норгрейв усмехнулся.

– Это я жду от вас извинений, милорд! Вы должны извиниться передо мной за то, что не являетесь достойным противником. Я вижу, вы совершенно забросили занятия фехтованием. Непростительная небрежность, особенно в таком деликатном деле, как наше!

Ответом на эту реплику стал скрежет столкнувшихся мечей. Виконт попытался отбросить противника, однако Норгрейв был выше и чуть крупнее, поэтому не только устоял на месте, но даже заставил его попятиться.

– Сударь, держите себя в руках! – крикнул Тристан второму секунданту, стоило тому сделать шаг.

«Проклятье, как бишь его зовут? Пригз? Твигз? Что-то вроде того...»

Губы Норгрейва изогнулись в улыбке, когда фамилия секунданта со стороны виконта всплыла в памяти.

– Бригз, ваш друг в порядке! Не вмешивайтесь!

Кэкстон даже не посмотрел на товарища. Он снова ринулся к Норгрейву, бросив на ходу:

– Стой, где стоишь, Бригз! Этот мерзавец – мой!

Маркиз, увернувшись от разящего клинка, стал наносить удар за ударом с такой силой, что очень скоро его тридцативосьмилетний противник совсем выбился из сил. Нужно быть осмотрительнее в выборе соперника, виконт Кэкстон!

Норгрейв оттолкнул его от себя.

– Ну, теперь вы удовлетворены, Кэкстон? – Норгрейв снова играл с противником, и движения его были быстрыми и грациозными. – Скажите «да», и вы сможете вернуться к своей очаровательной Одри!

Карие глаза виконта полыхнули огнем негодования.

– Как вы смеете! Вы не достойны произносить ее имя!

– Неприятно вам перечить, милорд, однако Одри разрешила мне эту маленькую вольность. Одну из многих, но вы, разумеется, уже знаете об этом.

Вкрадчивый голос Норгрейва разил не хуже меча. Лицо виконта с каждым его словом морщилось, как от боли.

Гнев придавал твердости руке Кэкстона. Его клинок полоснул маркиза по плечу. Виконт улыбнулся этой своей маленькой победе.

– Возможно, вам и удалось произвести на нее впечатление, но в итоге отец Одри отдал ее в жены мне, а не вам!

Норгрейв немного помедлил с ответной репликой.

– Кто вам сказал, что я просил руки этой леди? – И он с изумлением посмотрел на Тристана. – Отец Одри принял ваше предложение, поскольку оно пришлось весьма кстати. Он знал, что...

– Ни слова больше! – взревел виконт, и брови его сошлись. – Вы оскорбляете мою юную супругу! Если не уйметесь, я не удовлетворюсь той жалкой царапиной!

– Вы и вправду верите, что победите в дуэли, Кэкстон?

– Любовь и справедливость направляют мою руку!

– Как благородно, по-рыцарски... Жаль, что мы не догадались прихватить с собой сюда поэта! Он написал бы сонет и отправил бы его вашей вдове.

– Довольно, Норгрейв! – спокойно сказал Тристан. – Ни одно оскорбление не стоит человеческой жизни.

– В любой другой вечер я бы с тобой согласился, – ответил его друг, глядя в лицо противнику. – Но сдастся мне, Кэкстон не настроен быть благоразумным.

– Значит, вы признаёте свою вину? – сердито буркнул виконт.

И дуэлянты снова двинулись по кругу.

– О чем вы, Кэкстон? Я весьма порочен, но вас, смею предположить, интересуют только те мои прегрешения, в которые была вовлечена ваша прелестная супруга?

– Норгрейв, перестань его провоцировать! – Тристан наставил меч на Бригза.

– Назад, сэр! Это не наше с вами дело!

«С ума они все сегодня походили, что ли?»

– Вы соблазнили ее! – проговорил Кэкстон, и губы его искривились от горя и унижения.

Маркиз, удивленно вскинув брови, спросил:

– Это она так сказала?

Если бы не пара памятных вечеров, когда Норгрейв развлекал друга пикантными рассказами о своих любовных утехах с восхитительной Одри, Тристан решил бы, что маркиз невинен как овечка.

Похоже, сомнения посетили и лорда Кэкстона. Он покачал головой.

– Ей не пришлось ничего говорить. Я все прочел по глазам, стоило вам войти в бальный зал.

Норгрейв издал тихий, воркующий смешок.

– Доверчивый болван! И теперь вы стоите передо мной, готовый рискнуть здоровьем и жизнью ради какой-то двуличной девицы?

Кэкстон провел затянутой в перчатку рукой по своим темным волосам.

– Не смейте так говорить о ней! Моя супруга...

Маркиз отмахнулся от его слов движением меча.

– Сначала она пыталась заманить в свои сети Блекберна. Так ведь, Тристан?

– Сейчас это уже неважно. – Герцог посмотрел на Кэкстона и добавил извиняющимся тоном: – Это был невинный флирт.

Однако Норгрейв не пожелал поддержать игру.

– Одри и ее семейка метили очень высоко, – фыркнул он. – Заманивать в сети – так герцога, не меньше! Но, к несчастью для них, Блекберн интереса не проявил, поэтому бедняжке Одри пришлось искать утешения в моих объятиях.

Тристан сердито посмотрел на Норгрейва. Рассказ его друга о прошлогодних событиях был не совсем точным. На самом деле он нашел леди Одри весьма привлекательной и даже начал за ней ухаживать с далеко идущими намерениями, но в первые же дни Норгрейв опутал юную деву своими неотразимыми чарами. Однако собственные мысли Блекберн оставил при себе, рассудив, что правда виконта не обрадует.

Но оказалось, Кэкстон не готов принять и полуправду, которую исторгнул маркиз.

– Что вы несете? – В порыве ярости виконт даже опустил свой меч. – По-вашему, это моя жена соблазнила вас? Я отказываюсь верить в столь абсурдные заявления!

– Да, я соблазнил ее, Кэкстон! – Маркиз шагнул навстречу противнику. – Неужели в брачную ночь вы не заметили, что ваша невеста не девственница? Хотя чему тут удивляться, если раньше вы получали все удовольствия от своего лакея... Так вот, я со всей ответственностью заявляю: Одри улеглась в вашу постель... э-м-м-м... будучи уже несколько подпорченной. До сих пор помню, как она выкрикивала мое имя, когда я всаживал в нее свой гвоздь...

Кэкстон бросился вперед, заглушая топотом ног признания противника. Он выбил из его руки меч, после чего мужчины сцепились, повалились на землю и... пропали в тумане.

– Чтоб вас! Прекратите валяться в грязи! – Тристан отпрыгнул, когда дерущиеся соперники вдруг выкатились прямо ему под ноги. Фонарь у него в руке опасно закачался.

Если судить по мельканию локтей Кэкстона, дуэль закончилась врукопашную.

– Вставайте и проявите хоть немного достоинства, или вам обоим будет крайне неприятно вспоминать об этом происшествии позже, за бокалом бренди! – Тристан поднял фонарь повыше, чтобы рассмотреть, как обстоят дела у Норгрейва. Его товарищ, конечно, заслужил пару тумачков, насмехаясь над виконтом и его «непорочной» супругой. Но в свете фонаря герцог увидел уже не лицо Кэкстона. В драке маркизу удалось одержать верх, и теперь он с упоением молотил противника кулаками. И это заметил не только герцог.

Вскинув руку с мечом, словно для удара, секундант виконта бросился к дерущимся.

– Опустите оружие, Бригз, и помогите мне растащить эту парочку, пока кто-нибудь серьезно не пострадал! – Тристан искренне надеялся, что этот человек, привыкший беспрекословно повиноваться приказам, не сможет проигнорировать его. Не глядя на Бригза,

он сунул в ножны свой меч и медленно поставил на землю фонарь.

– Отойдите, Блекберн! Я не желаю с вами биться. Норгрейв нарушает правила. Он бесчестный человек, – заявил Бригз, отшвыривая свой фонарь. Еще мгновение – и он всадил бы меч в спину маркиза.

– Проклятье! – Тристан грубо толкнул друга в плечо, и тот качнулся в сторону. Герцог уже обнажил свое оружие, когда осознал, что клинок Бригза угодил не в маркиза, а прямо в грудь Кэкстона.

Виконт взвыл от боли.

Тристан перехватил руку Бригза, помешав ударить снова. Норгрейв, на щеке которого алела кровь, ободряюще усмехнулся.

– Так и знал, что тебе не терпится блеснуть мастерством! – С этими словами он, не выпуская меча, медленно встал на ноги и посмотрел на своего противника.

Свежая кровь, пульсируя, вытекала из раны на груди Кэкстона, словно вода из источника. Белая льняная рубашка была испачкана ею, но сам Кэкстон, хоть и жадно ловил ртом воздух, еще не успел понять, что ранен. Желание покалечить Норгрейва не остыло, и он жаждал продолжения дуэли.

На поляне, освещенной четырьмя маленькими фонарями, в сгущающемся тумане Тристан начал поединок с Бригзом, решив взять его на себя, в то время как виконт со своим противником снова скрестили мечи. Норгрейв сказал правду. Герцогу не терпелось продемонстрировать достойному сопернику свое умение владеть мечом, хотя он предпочел бы показать это не при таких «кровавых» обстоятельствах. Обычно его репутации хватало, чтобы отвлечь от дуэли самого ретивого задиру. Но сегодня он был просто вынужден связаться в драку. В таких случаях он уже не отступал, пока не прольется кровь. Верность давнишней дружбе заставила Тристана встать на защиту маркиза.

Бригз неплохо управлялся с мечом, однако очень скоро стало ясно, что с таким опытным противником он столкнулся впервые. Сам Тристан никогда не затевал дуэлей, однако умел виртуозно заканчивать их и побеждать. То нападая, то парируя удары Бригза, он добился того, чтобы Норгрейв с виконтом снова оказались предоставлены друг другу. Однако его противник выбился из сил быстрее, чем можно было ожидать. Пот струился по лицу Бригза, а его грудь вздымалась и опадала, как кузнечные мехи.

Окинув оппонента взглядом, полным презрения, Тристан стремительным приемом разоружил его и приставил острие своего меча к горлу Бригза.

– Полагаю, у вас хватит здравомыслия спрятать оружие в ножны.

Мужчина тут же кивнул.

– Я готов сделать это немедленно. – Лишь после нескольких попыток он спрятал меч в ножны, после чего добавил: – Только безумец стал бы настаивать на продолжении.

– Вы совершенно правы, Бригз. А теперь окажите мне любезность: сходите за хирургом, который столь благонаравно ожидает в своем экипаже. Разумеется, вы не желали причинить лорду Кэкстону вред, но помощь доктора ему понадобится.

Крепкие плечи Бригза поникли, и он часто-часто заморгал при напоминании о том, что одну рану нанес своему другу собственноручно. Мужчина поднял с земли фонарь и указал свободной рукой в туман, откуда доносилось сопение вкупе с приглушенными ругательствами.

– А как быть с ними? – спросил он. – Насколько я понял, речь не шла о дуэли, что называется, «до последней капли крови».

– Согласен. Тем более у меня нет ни малейшего желания бежать из Англии, оставив без присмотра свои имения! – Тристан повернул голову и крикнул через плечо: – Джентльмены, пролилась кровь! Полагаю, вы удовлетворены?

В поле зрения показались Норгрейв с Кэкстоном. На сорочке виконта было столько крови, что любой предположил бы смертельное ранение. Оба были безоружны. Маркиз выглядел лучше, но и он не вышел из этой дуэли невредимым.

– Что скажете, Кэкстон? Вы удовлетворены? – Голос Норгрейва прозвучал даже неприлично весело в такой ситуации. Хотя ничего удивительного – он всегда не прочь подраться, лишь бы противник был достойный.

– Я слишком устал, чтобы продолжать, Норгрейв, – угрюмо ответил виконт. – Но я готов признать, что удовлетворен, если вы пообещаете держаться подальше от моей жены!

В душе маркиз, вероятно, презирал соперника за то, что тот так легко сдался, однако он похлопал его по плечу, как старого друга.

– Разумная просьба, которую я рад удовлетворить! У меня в экипаже есть бутылочка бренди. Что не поправит хирург, стаканчик или два заставят забыть!

Тристан укоризненно покачал головой. По его мнению, веселость друга в данной ситуации была неуместной. Они с Норгрейвом направились к своим каретам. Честно говоря, лорд Кэкстон мог не опасаться маркиза. Норгрейв получил от прелестной леди Одри все, что хотел, и теперь стремился к новым победам. Ни одной женщине не удавалось удержать его подле себя надолго, и у Тристана уже появились сомнения, возможно ли это вообще.

Несколько часов спустя Тристан с Норгрейвом все еще праздновали свой триумф в апартаментах маркиза. По пути они заехали в театр, где у них была арендована ложа, и прихватили с собой двух куртизанок. Джуэл Тирни была красоткой ирландских кровей. Она сбежала из родной деревни, едва ей исполнилось шестнадцать, и, переходя от любовника к любовнику, оказалась в столице. Очень скоро обворожительная мисс Тирни обзавелась богатыми поклонниками, в число которых попали и Блекберн с Норгрейвом. Тристану было двадцать, когда черноволосая чаровница бросила расчетливый взгляд в его сторону. Интрижка с ней обходилась дорого, но... оно того стоило. И все же, несмотря на молодость, нрав у молодого герцога был слишком буйный и переменчивый, чтобы даже такая красавица смогла приручить Блекберна. Интерес к новой любовнице у него скоро пропал, однако расстались они мирно. Амбициозная и непостоянная в своих симпатиях, Джуэл нашла утешение в объятиях других джентльменов, включая Норгрейва.

К удивлению Тристана, его друга и Джуэл до сих пор связывало некое подобие дружбы, хотя пламя страсти, которая свела их вместе, давно угасло. Время от времени они оказывались в одной постели, но была у этой дружбы и другая причина. Двадцатидевятилетняя куртизанка прекрасно знала пристрастия маркиза относительно плотских утех, поэтому поставляла ему молоденьких женщин, недавно прибывших в Лондон и нуждавшихся в покровительстве какого-нибудь богатого аристократа.

Свои услуги она предложила и Тристану, однако получила вежливый отказ. Тристан имел звучный титул и был красив, как и все члены семейства Рүков, поэтому женщины охотно одаривали его своими ласками. Кроме того, ему не хотелось хоть чем-то быть обязанным куртизанке. Он никогда не спрашивал, во что обходится ее любезность, но Джуэл была слишком практичной и не делала ничего бесплатно.

– Тристан, не хватает только, чтобы ты испортил мне вечер, заснув там, на кушетке! –

донеслось со стороны кровати.

Норгрейв настоял, чтобы они вчетвером поднялись к нему в спальню, где Джуэл смазала бы спиртом царапины, которые доктор не удостоил вниманием. Почтенный эскулап зашил рану Норгрейва на предплечье и посоветовал ему немедленно лечь в постель. Маркиз, смеясь, заверил его, что так и поступит. Теперь он лежал на кровати совершенно голый, если не считать простыни, переброшенной через его стройные бедра. Обе прелестницы суетились вокруг, и Тристан с улыбкой подумал, уж не приплатил ли его друг доктору за столь своевременные рекомендации.

Удобно устроившись на синих шелковых подушках кушетки, герцог ответил, не открывая глаз:

– Я пока не настолько пьян, но усталость берет свое. Это был долгий день, и голова у меня начала болеть до того, как мы сели вечером за карточный стол. А потом еще полночи возились с Кэкстоном и его приятелем. – После недолгой паузы Блекберн добавил: – Кстати, не помню, чтобы я забирал со стола свой выигрыш в последнем роббере.

– Прости, но по моей вине ты снова лишился приличной суммы, хотя мог бы уже привыкнуть к этому!

Тристан притворился рассерженным:

– Черт тебя подери, Норгрейв! Мне действительно пора бы и привыкнуть...

Джуэл и ее подружка Энис захихикали.

– Кэкстон меня отвлек, – пожаловался маркиз. – В клубе давно поговаривали, что он собирается с духом, чтобы вызвать меня на дуэль.

– Ты это заслужил, – без тени дружеской снисходительности заметил Тристан. – Ты был первым любовником Одри и сделал все, чтобы Кэкстон узнал об этом, как только они поженились.

– Кейзон, ты поступил очень дурно! – пожурила маркиза Джуэл.

Скрипнула кровать: женщина поспешила смягчить укоры поцелуем.

– Только не говори, что Кэкстон не заслужил подобного обращения! Разве я виноват, что его супруга упала без чувств у моих ног в бальном зале, наделав столько шума? Откуда бы я знал, что эта леди до сих пор ко мне неравнодушна?

– Бедненький! – вздохнула Джуэл. – Как это, должно быть, тяжело, когда все любовницы так и норовят в тебя влюбиться!

– Тяжело? – хохотнул Норгрейв. – Да это настоящее проклятие!

Тристан в тысячный раз подумал, что сомнения Норгрейву не занимать.

– Не думаю, будто слова «влюбленность» и «любовь» здесь уместны, – сказал он. – Большинство твоих бывших любовниц тебя презирают.

Саркастической реплики со стороны Норгрейва не последовало. Тристан открыл глаза и посмотрел на кровать. Пока он дремал, Джуэл и Энис успели раздеться и присоединиться к маркизу. Все тело Норгрейва было в синяках, однако это не помешало ему усадить Джуэл себе на чресла. Пока она медленно двигалась вверх и вниз на его мужском оружии, Энис терлась грудью о припухшую щеку маркиза.

– Не все, но большинство, – продолжал Тристан, думая о том, что пышногрудая Джуэл – едва ли не единственное исключение из этого правила.

– Уверен, это так и есть, но теперь меня совершенно не интересуют их чувства, – отозвался Норгрейв, подтверждая предположение герцога о том, что его телесные ощущения и мысли редко мешают друг другу. – Скажи, Тристан, сколько моих бывших любовниц за эти

годы приходило поплакать на твоём плече?

Его друг пожал плечами.

– Я давно перестал считать, бессердечный ты человек!

Маркиз засмеялся.

– И сколько этих разбитых сердец и отчаявшихся душ нашли утешение в твоей постели?

– Ну, может, одна или две...

Тристан усмехнулся, поменял положение на кушетке и подпер подбородок ладонью, чтобы было удобнее смотреть. Он без тени смущения наблюдал за грациозными, как у танцовщицы, движениями Джуэл, которая при этом успевала также поглаживать любовника. Когда речь заходила о постельных забавах, Норгрейв становился совершенным бесстыдником. Он гордился своим телом и мужской силой, и его возбуждало, если кто-то наблюдал, как он овладевает женщиной.

По правде говоря, любовная игра парочки на кровати не оставила Тристана равнодушным. Он не забыл, какая у Джуэл нежная кожа, как приятно прикосновение её темных шелковистых волос к лицу и как она тихо вздыхает, когда он входит в неё... Стоило ему подумать об этом, и внизу живота стало горячо.

Рука его поползла вниз. Да, он испытывал вожделение, но направлено оно было не на Джуэл и не на Энис. Любая женщина согдилась бы... Управление поместьями и другим имуществом семьи занимало Блекберна днём и ночью, поэтому времени для требовательной любовницы у него не оставалось. Не в его правилах было лишать себя радостей плоти, однако временное воздержание герцог переносил легко. Он все ещё наблюдал за играми Норгрейва с Джуэл и Энис, хотя мысли его приняли другое направление. Ему действительно нужно подыскать себе любовницу в Лондоне... Тристан не обходился со своими возлюбленными, даже бывшими, столь грубо, как Норгрейв, но тоже предпочитал ни к чему не обязывающие связи.

Кстати, планы приходилось строить опять же с оглядкой на Норгрейва.

Конечно, старый друг первым поздравит Тристана, когда тот обзаведётся новой любовницей, однако это не мешает ему проводить с ним почти все его свободное время. Занятый своими мыслями, герцог не сразу заметил, что Энис, пошептавшись с Норгрейвом, соскочила с кровати. И только когда девушка встала на колени возле кушетки, его взгляд остановился на её хорошеньком личике.

– Ваша милость, я вам нравлюсь? – спросила Энис с ноткой неуверенности.

Тристан окинул взглядом обнажённую, предлагающую ему себя женщину. Он не обратил на неё внимания, когда Джуэл представила их друг другу, поскольку рассчитывал, выпив с Норгрейвом за его победу, удалиться к себе. Теперь, рассмотрев как следует лицо девушки, он не нашёл в нём изъяна. Лет ей было двадцать – двадцать пять, он затруднялся сказать точнее, потому что крошка обильно напудрилась и нарумянилась. Как на его вкус, она была излишне худощавой, но зато сложена словно богиня. Тристан посмотрел на Джуэл и подумал, уж не решила ли она все за него заранее. Он мог бы догадаться сразу, ведь Энис – одна из её последних протезе... Если герцогу нужна любовница, пока он будет в Лондоне, почему бы ему не остановить свой выбор на Энис? Предусмотрительная Джуэл обо всем позаботилась – избавила его от необходимости искать себе возлюбленную!

К сожалению, Джуэл была слишком занята, услаждая его друга, чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение.

Энис все ещё ждала ответа, и Тристану пришлось снова посмотреть на неё.

– Ты очень хорошенькая, моя крошка. Но сегодня мне хватит бренди и своих мыслей. И я не хочу лишать Норгрейва твоего общества.

На лице девушки отразилось разочарование.

– Но он сам сказал...

Даже с такого расстояния было видно, как у Норгрейва от смеха затряслись плечи.

– Тристан, не будь задницей! У тебя на гюльфике^[1] скоро пуговицы поотскакивают!

– Занимайся своим делом! – парировал Тристан, глядя на выпуклость у себя на панталонах. Это было глупо, и все же он попытался прикрыть свое возбужденное естество рукой. И если бы он вообще мог краснеть, то краска непременно залила бы его лицо.

Маркиз прыснул со смеху и шлепнул свою «наездницу» по заду.

– Тебе бы тоже не мешало собой заняться, мой друг!

Джуэл охнула от неожиданности, когда Норгрейв опрокинул ее на спину и лег на нее всем телом. Уткнувшись лицом в ее шею, он заурчал от удовольствия, а женщина тихо засмеялась.

Тристан вздрогнул, ощутив прикосновение Энис. За эти секунды она успела приблизиться. Левой грудью задела ногу мужчины, когда протянула руку к его гюльфику.

Он накрыл рукой ее пальчики, уже успевшие расстегнуть пару верхних пуговиц.

– Пожалуйста, не слушай моего друга! Я не вру. И ничего от тебя не жду. Если хочешь, возвращайся на кровать...

– Я не хочу, ваша милость.

Она чуть запрокинула голову, чтобы видеть его лицо. Прическа Энис растрепалась, и это сделало девушку еще более обольстительной. А обольщать она умела: мгновение – и пальчики прелестницы скользнули в прорезь панталон и обвились вокруг его возбужденного естества.

– Бренди и ваши мысли остаются при вас. Остальное предоставьте мне.

Левая нога мужчины сползла с кушетки, бедра разошлись. Энис восприняла это как приглашение и придвинулась совсем близко, прижимаясь грудью к его чреслам. Тристан не стал ее останавливать, когда она отвернула верхний клапан его панталон и принялась поглаживать высвободившуюся горячую плоть. Глупо было бы отрицать, что он возбужден, тем более своим предложением Энис удалось-таки преодолеть его сопротивление.

«Любая женщина сгодилась бы...»

Этот самонадеянный мерзавец Норгрейв угадал его желание раньше, чем он сам.

И оказался прав. Вида женщины, с вожделением взирающей на его мужское орудие, хватило, чтобы похоть взяла верх над здравомыслием. Норгрейву было все равно, с которой из женщин Тристан займется любовью, лишь бы он перестал вести себя как зануда.

Эта мысль пригасила пыл герцога.

Тристан терпеть не мог, когда им манипулировали. Энис резко вздохнула, стоило ему схватить ее за волосы, мешая нагнуть голову. Их взгляды встретились. В одном читался сдерживаемый гнев, в другом – боль и затухающее сладострастие.

– Ваша милость, позвольте доставить вам удовольствие!

Ответить он не успел: язычок скользнул меж губ и лизнул его. Мускулы живота напряглись, и Тристан проглотил стон, готовый вот-вот сорваться с губ.

– Будь я проклят! Женщина, ты хочешь моей смерти?

В глазах Энис появился лукавый блеск.

– На этот вопрос я отвечу утром.

На сей раз Тристан сам направил ее, и Энис постаралась захватить побольше его горячего и твердого орудия. Мужчина стиснул зубы, когда девичья ручка сжала его, чтобы хоть как-то сдерживать толчки.

Словно сквозь пелену Тристан видел, что Норгрейв наблюдает за тем, как Энис услаждает друга своим искусным язычком. Хитрый дьявол, он прекрасно знал, что выиграл битву. В этот раз Тристан решил дать другу насладиться его маленьким триумфом, который доказывал лишь то, что он, Блекберн, совершенно не склонен к аскетизму.

Но по возвращении в Лондон он сам – сам! – выберет себе любовницу.

1 июня 1792 года, Лондон

– Имоджен!

Юная леди, которой было адресовано это восклицание, сидела перед туалетным столиком в своей комнате, и горничная как раз заканчивала завивать ее волосы. Девушка вовсе не считала себя тщеславной, но сегодня вечером ей просто необходимо было выглядеть наилучшим образом.

– Папа в третий раз зовет тебя! – с беспокойством заметила ее младшая сестра. – А ты ведь сама знаешь, какой он... «Если мне придется крикнуть в четвертый раз...»

Имоджен закатила глаза.

– «... Я за себя не ручаюсь!» – закончила она фразу. – Отец говорит так, когда сердится... Знаю, Верити. Но Марджори уже почти управилась с моими волосами. Да, Марджори?

– Да, миледи! – Горничная отложила горячую плойку в сторону и принялась укладывать кудряшки в затейливую прическу. – Сегодня все кавалеры будут умолять вас о танце, честное слово!

Верити, которая стояла возле приотворенной двери и смотрела, не идет ли отец, сердито отозвалась:

– А я, по-твоему, буду весь вечер подпирать стену со старыми девами?

– И будешь, если не перестанешь хмуриться и ныть! – поддразнила ее Имоджен, но младшая сестра уловила в ее тоне предостережение.

Марджори привыкла гасить ссоры между сестрами, а потому поспешила возразить:

– Вы тоже чудо как хороши, леди Верити! И будете иметь не меньший успех в свете, чем ваша сестрица, однако замуж ее все равно нужно отдать первой.

– Это почему?

– Не годится младшей сестре вступать в брак прежде, чем старшая найдет себе мужа, – ответила горничная. Верити не упускала случая пожаловаться на несправедливость судьбы, которая, по ее собственным словам, портила ей всю жизнь. – Иначе люди станут думать, что леди Имоджен у нас – барышня... с причудами.

– Но ведь *это так и есть*, – пробормотала Верити себе под нос. – И все наши знакомые это знают.

– А еще они знают, что ты просто несносная девица!

Отразив атаку сестры, Имоджен вздохнула. Верити была всего на полтора года моложе, и положение младшей дочери в семье, равно как и ограничения, которые оно накладывало, ее не радовали. Она отчаянно завидовала сестре, и хотя та не раз пыталась убедить ее, что очень скоро и саму Верити будут демонстрировать свету как прекраснейшую из роз в цветнике герцога Триветта, та вела себя словно испорченное дитя, а не девица на выданье.

Имоджен встала, отряхнула юбку и спросила:

– Как я выгляжу?

– Вы будете самой красивой дамой на балу у лорда и леди Кингеби, миледи! – провозгласила Марджори.

Старшая из сестер с притворным недоумением посмотрела в сторону двери.

– Неужели весь запас яда растрачен, мисс Колючка?

Верити хмыкнула и распахнула дверь.

– Надеюсь, сегодня маме не придется волноваться, что ты опозоришь семью!

Поторопись, папа наверняка уже пеной изошел от злости, дожидаясь тебя!

Принимая во внимание дурное настроение Верити, можно было считать, что ее слова прозвучали как комплимент.

– Не понимаю, к чему вся эта спешка. Мы все равно не выйдем из дома раньше, чем через час!

– Имоджен! – голос герцога сорвался на крик.

– Четвертый раз! Иди, не то он тебя выпорет.

Забыв, что сердится на сестру, Верити подтолкнула ее к двери.

– Как бы папа не грозился, он никогда не наказывает домашних. – Имоджен застыла на пороге и обернулась. – Какой ужас! Чуть не забыла свой ридикюль и веер.

Верити отмахнулась.

– Беги к папе! Я вынесу их тебе к карете.

Имоджен пошла по коридору настолько быстро, насколько ей позволяло платье. Перед лестницей она все же замедлила шаг. Сломанная нога – худшее наказание в сравнении с теми, которые для нее мог придумать отец. Хотя, признаться, она охотно провела бы ближайшие несколько месяцев дома, никуда не выезжая. Оказавшись в холле, девушка поспешно направилась к библиотеке. Герцог оставил дверь открытой, чтобы было ясно, где его искать.

Он стоял возле пюпитра, на котором покоилась семейная Библия. Имоджен подумала, что ее дела плохи, раз уж отец готовится к предстоящему разговору посредством чтения Ветхого Завета.

– Добрый вечер, папенька!

Девушка сделала маленький книксен и улыбнулась той своей улыбкой, которую отец неизменно находил обворожительной.

– Когда вы в последний раз мыли уши, леди Имоджен Сантер?

– Думаю, сегодня утром. – Увидев, что отец хмурится, дочь поспешила поправить себя: – Хотя нет, это было вчера, перед сном. А почему вы спрашиваете? – вежливо поинтересовалась она.

– Почему? Я скажу вам почему, скверное вы дитя! Вы заставили меня ждать двадцать минут.

– Простите, папенька! – Имоджен приподнялась на цыпочки и чмокнула отца в щеку возле подбородка. Рост девушки составлял всего пять футов и три дюйма^[2], поэтому выше она просто бы не дотянулась. – Марджори завивала мне волосы, и ни вы, ни я не вынудили бы ее управиться быстрее, чем это возможно. Я спустилась, едва она закончила.

– Вы заставили меня звать вас трижды, юная леди!

– Четырежды, папенька! Значит ли это, что я заслужила порку? – спросила она с самым серьезным видом.

– Порку? Какого дьявола... Да я ни разу в жизни не приказал никого выпороть! – Тут герцог увидел в темно-синих глазах дочери искорку лукавства. – Но, если вы и впредь будете меня огорчать, дитя мое, я могу изменить своим принципам.

Девушка мягко взяла отца под руку и повела к софе.

– Может, это Верити вас огорчила, сэр? Я в последнее время вела себя самым

примерным образом. Спросите у маменьки!

Герцог присел рядом с дочерью.

– И какой, по-вашему, я услышу ответ? Ваша добрейшая матушка нянчится с вами непростительным образом. Вы с Верити обе избалованы донельзя!

Имоджен улыбнулась, поскольку герцог баловал своих дочерей ничуть не меньше, чем это делала мать.

– А матушка сказала бы, что это вы, сэр, слишком к нам снисходительны. – Ей очень хотелось поцеловать отца, но Марджори столько усилий вложила в ее прическу! Поэтому пришлось поступить по-другому: Имоджен придвинулась к отцу и стала теревить пуговицу у него на камзоле – привычка, которая осталась у нее с детства. – Признайтесь, сэр, что и вы иногда потворствуете нашим с Верити капризам!

– Я это признаю, дитя мое, – мрачно промолвил герцог. – Но только в стенах своего дома и нигде больше!

– Я никому не расскажу. – Имоджен пальчиком нарисовала на своей груди крест. – Это наименьшее, что я могу сделать для самого лучшего папеньки в Англии!

Лицо герцога смягчилось, и он с любовью посмотрел на свое старшее дитя. Но уже в следующее мгновение он словно бы опомнился, тряхнул головой и сказал:

– Нет, дорогая, на сей раз не выйдет! Вам не удастся загладить ваш последний проступок лестью и сладкими улыбками!

– Не представляю, о чем вы, сэр!

– А должны бы представлять, юная леди, поскольку об этом я и хочу с вами поговорить, прежде чем вы отправитесь на бал. – Герцог вскочил и принялся расхаживать взад-вперед перед софой. – Я получил неприятное известие, в котором было упомянуто ваше имя.

Имоджен закусила губу. Если ее догадка верна, слухи достигли ушей ее отца гораздо раньше, чем она рассчитывала.

– Не могу представить, что именно вы слышали. Мы приехали в столицу недавно, и слухам еще неоткуда взяться...

– Вы полагаете? – Отец скрестил руки на груди и внимательно всмотрелся в лицо девушки. – Если бы речь шла о ком-то другом, не о вас, я бы, пожалуй, согласился. Теперь, сударыня, ответьте на мой вопрос: вы имели приватный разговор с мисс Вайнол?

Имоджен едва заметно вздрогнула.

– С Линорой? А что дурного в том, чтобы поболтать с давней подругой?

Герцог нахмурился. Невинный и беззаботный тон дочери не произвел на него впечатления.

– Было ли вам на тот момент известно, что семья девушки ведет тайные переговоры об устройстве ее брака с лордом Ренчером?

Конечно. Имоджен слышала, что лорд Ренчер оказывает знаки внимания ее подруге. Прошло уже больше года с тех пор, как этот господин с титулом виконта, годящийся Линоре чуть ли не в отцы, уведомил ее родителей о серьезности своих намерений. Он дважды приезжал погостить в загородное имение семьи, надеясь завоевать сердце избранницы. Но, на беду всех заинтересованных лиц, Линора к тому времени уже была влюблена в мистера Хьюитта – джентльмена, с которым познакомилась прошлой весной.

– Я слышала, что лорд Ренчер ухаживает за Линорой Вайнол, – осторожно ответила Имоджен. Едва они перебрались в Лондон, она получила от подруги записку, в которой сообщалось, что уже в июне Вайнолы планируют объявить о помолвке своей дочери с

виконтом. – Жаль только, никто не спросил, что думает по этому поводу сама Линора.

Морщинка меж бровями герцога Треветта обозначилась сильнее.

– То есть вы не отрицаете факт своего вмешательства в дела мисс Вайнол?

– Смотря что вы подразумеваете под «*вмешательством в дела*», папенька. – Имоджен пожала плечами. – Линора спросила моего совета, и, как это заведено у друзей, я дала ей его.

Герцог помрачнел еще больше и, склонившись над дочкой, задал вопрос:

– И вы посоветовали ей отвергнуть предложение достойного человека и сбежать с тем, у кого ни гроша за душой?

– Это звучит слишком грубо, отец!

Имоджен прежде не рассматривала дело в таком ключе.

Герцог покачал головой, пытаясь понять, насколько его дочь причастна к скандалу.

– А как вы сами определите роль, сыгранную вами в деле, закончившемся для мисс Вайнол бесчестьем?

– О каком бесчестье вы говорите? – резко возразила Имоджен. – Мистер Хьюитт и мисс Вайнол уехали, не испросив благословения ее родителей, это правда, но зато теперь Линора замужем за человеком, которого любит и который, хочется верить, будет ценить это счастье до конца своих дней!

– Послушать вас, Вайнолы должны радоваться тому, что их дочь, вместо того чтобы стать супругой уважаемого человека с титулом, который возвысил бы их дочь в свете, теперь услаждает своим обществом второго сына какого-то жалкого торговца!

Девушка тут же встала на защиту избранника сердца Линоры:

– Папенька, мистер Хьюитт – очень достойный джентльмен! Он...

– Не говорите мне ничего! О нем я вообще не хочу слышать!

Суровый приказ отца заставил ее умолкнуть.

– Вы еще не объяснили мне свое участие в этой истории, – вымолвил он. Герцог пытался говорить спокойно, но леди Имоджен догадывалась, что, прибегнув к простой дедукции, он получил ответ на свой вопрос.

– Ничего страшного я не сделала, папенька. – Она всплеснула руками. – Линора хотела поговорить со мной, так как боялась, что родители не примут ее решения отказать лорду Ренчеру. Она призналась мне, что любит мистера Хьюитта, и поведала о своем отчаянии, ведь ее семья никогда не дала бы согласия на этот брак по любви.

– Разумеется, родители не одобрили бы его! Они ведь любят свое дитя.

Имоджен едва удержалась, чтобы не возразить: если родители любят дочь, то почему бы им не согласиться с ее решением?

– Линора попросила меня встретиться с ее мистером Хьюиттом. Мы встретились, и молодой человек показался мне вполне благоразумным и порядочным. Поэтому я... – Имоджен осеклась.

Герцог потер глаза. Выражение лица у него было сердитое и в то же время обреченное.

– Рассказывайте, дитя мое, не стесняйтесь. Тем более мне уже известно, чем все закончилось.

Имоджен, вздохнув, продолжала:

– Мысль о том, что им с мистером Хьюиттом придется расстаться, была ненавистна Линоре. Ее возлюбленный попросил у мистера Вайнола руки его дочери и был отвергнут. Тогда он предложил бежать и пожениться тайно, и Линора спросила совета у меня. – Будучи не в силах выдерживать устремленный на нее гневный взгляд отца, Имоджен уставилась на

свои сцепленные руки. – И я сказала, что если она не хочет становиться женой лорда Ренчера, то им с мистером Хьюиттом лучше отправиться в Гретна-Грин^[3].

– Это все?

«Если повезет, меня запрут в комнате всего лишь на неделю!» – подумала Имоджен, а вслух сказала:

– И я научила Линору солгать родителям. Первые несколько дней после побега они думали, что Линора гостит у нас. Хотя, полагаю, все разъяснилось очень быстро. Ее отец, вероятно, спросил, чем мы с Линорой заняты, и вы...

– Я сказал, что понятия не имею, о чем он говорит. – К герцогу полностью вернулась его изначальная суровость. – Можете ли вы представить всю неловкость положения, в которое вы меня поставили этой ложью?

– Папенька, прошу, простите меня! Я этого не хотела, – прочувствованно заверила его Имоджен. Девушке и в самом деле было стыдно, что отец запутался в паутине сотканной ею лжи. – Но когда Линора попросила меня о помощи, я даже не подумала отказать. Ведь она моя подруга...

– Вам не следовало вмешиваться, Имоджен. Признáюсь, вы очень разочаровали меня.

У девушки задрожала нижняя губка – верный признак огорчения. Имоджен обожала отца, и ей было больно думать, что своим проступком она уронила себя в его глазах.

– Значит, порки не избежать? Еще можно запереть меня в чулан и не давать ничего, кроме воды и хлеба...

Имоджен бросила быстрый взгляд на отца, но он уже отвернулся. Полной уверенности не было, и все же ей показалось, что уголки его губ дрогнули, как если бы он подавил улыбку.

– Обойдемся менее драматическими мерами, дитя мое. Хотя запереть вас в спальне было бы с моей стороны большой любезностью. Помогая Линоре сбежать, вы кое о чем не подумали...

– О чем же?

– Что придется смотреть потом в глаза ее родителям. Они быстро поняли, кто содействовал их дочке, и это открытие их не обрадовало. Лорд Ренчер, конечно, не из тех джентльменов, по которым обычно сохнут юные леди, но он человек уважаемый, он богат, не злоупотребляет алкоголем и азартными играми и стал бы для вашей подруги снисходительным супругом. – Герцог повернулся и посмотрел на дочь. Его взгляд смягчился, стоило ему увидеть в глазах Имоджен слезы. – Что ж, мисс Вайнол сама выбрала себе супруга, однако неизвестно, будет ли их совместная жизнь легкой. И вам обоим придется жить с мыслью, что вы поспособствовали этому.

Девушка шмыгнула носом, стараясь не заплакать. Герцог подал ей платок, и она пробормотала слова благодарности.

– Мне следует попросить у родных Линоры прощения? – спросила Имоджен, вытирая слезы, выступившие в уголках глаз.

– Только если в этом возникнет необходимость. Сэр Горацио с супругой предпочли бы не привлекать внимания к недавнему замужеству своей дочери. Благо, лорд Ренчер проявил себя с лучшей стороны, ибо быть отвергнутым ради соперника, во всех отношениях менее достойного, – это оскорбление.

Имоджен кивнула.

– Мне позволено будет выехать сегодня с матушкой и Верити?

– Через три дня день рождения нашего монарха, так что празднует вся страна. И я не

вижу необходимости лишать вас этого удовольствия.

– Спасибо, папенька! – Девушка встала и подбежала к отцу. – Я не заслуживаю такой доброты!

Герцог Треветт взял протянутую ему руку и ласково пожал пальчики, давая понять, что она не утратила его любовь.

– Я понимаю, дружба накладывает определенные обязательства. Но хорошая дочь не должна забывать, что она имеет их также и перед своей семьей!

Имоджен обожала родных, и мысль о том, чтобы огорчить хоть кого-то из них, была для нее невыносима.

– Я знаю, папенька.

Такой ответ обрадовал герцога, это было очевидно.

– Прекрасно! Хочется верить, вы вспомните наш разговор, когда придет ваш черед.

– Мой черед? – Имоджен нахмурилась, недоумевая. – Какое отношение замужество Линоры имеет ко мне?

– Вайнолы не единственная семья в городе, которая желает устроить судьбу своих дочерей. – Герцог поцеловал дочь в лоб. – Но ты можешь положиться на своего папеньку. Он выберет для тебя достойного супруга.

«Супруга? Для нее?»

Имоджен, улыбнувшись, кивнула, однако сердце ее затрепетало. Она ведь еще так молода – ей всего восемнадцать! Мать заверила ее, что летний сезон они проведут в столице ради удовольствий, которых не найти в сельской глуши, но о замужестве речи пока не идет. Неужели она солгала? Может, родители уже подыскали для нее жениха на много лет старше и теперь ждут удобного случая, чтобы представить его?

Смутные страхи теснились в головке Имоджен, когда она извинилась и поскорее покинула библиотеку, опасаясь, как бы отец не заметил ее смятения.

– Какой приятный сюрприз, Блекберн! – Норгрейв поклонился – судя по всему, из уважения к герцогскому титулу друга. – Я думал, ты в театре. Сегодня дают *«Подозрительного супруга»*.

– Зачем идти в театр, когда эту пьесу показывают в каждом бальном зале города? – сказал Тристан с улыбкой.

Норгрейв усмехнулся.

– А как же твоя актриса – та, что исполняет главную роль? Мне показалось, она уже запустила в тебя свои коготки! – насмешливо поинтересовался маркиз, хотя было очевидно, что от интрижки с упомянутой актрисулькой он и сам не отказался бы.

– Ты преувеличиваешь. Я выразил ей свое восхищение раз или два, преподнес цветы, но это был безобидный флирт, – отмахнулся Тристан.

На сцене актриса выглядела изумительно красивой, однако при обычном освещении стало ясно, что она намного старше, чем кажется, да и темперамент у нее менее пылкий, нежели у ее героини.

– Жаль, что она тебе разонравилась, – проговорил маркиз, который без объяснений друга понял всю подоплеку дела. – Может, мне и не следовало бы об этом упоминать, но Энис спрашивала о тебе. Прошло много месяцев с тех пор, как ты почтил ее своим вниманием, и она была бы очень рада возобновить старую дружбу.

Герцог был пьян как сапожник в тот вечер, когда Энис подобралась к его гульфику, намереваясь поиграть с тем, что внутри, своим искусным ртом и язычком. Они провели вместе несколько приятных часов, однако решение Тристана самостоятельно выбрать себе любовницу осталось в силе. По слухам, куртизанка сокрушалась недолго. За это время Энис сменила еще двух покровителей. Но что неприятно поразило его, так это очередная попытка Норгрейва толкнуть друга в ее объятия.

– А если я скажу, что дал себе клятву не иметь в этом сезоне дел с актрисами и куртизанками?

Маркиз в раздумье поджал губы.

– Ваша милость, пожалуй, я бы назвал вас лжецом.

– Какая радость в том, чтобы волочиться за жадной до денег красоткой, мой друг?

Не прерывая беседы, мужчины пробирались через переполненную гостями прихожую городского дома лорда и леди Кингеби.

– Пара монет – и она вся в твоём распоряжении!

– А я не устаю радоваться простоте, которую подразумевает связь с куртизанкой. Как ты говоришь, за пару монет ты покупаешь себе красивую любовницу, которая не станет потом обременять тебя чувством вины, требованиями и слезами.

– А если воспользоваться рукой, то и денег тратить не придется!

Норгрейв даже закашлялся от смеха.

Возмущенный возглас и взгляд стоявшей неподалеку пожилой дамы напомнили мужчинам, что следует все же соблюдать приличия.

– Прошу меня простить, мэ! – с этими словами Тристан прикрыл рот рукой, скрывая улыбку. – Моя ремарка не предназначалась для ушей леди.

– Сомневаюсь, будто эта высокоморальная особа вообще знает, что у мужчин, помимо

прочих, имеется еще и такой порок, – прошептал ему на ухо Норгрейв.

Ну как тут не рассмеяться?

– Вы совершенно правы, ваша милость! – заявила их невольная собеседница и чинно удалилась.

Норгрейв, посмотрев ей вслед, подмигнул.

– Думаю, она стала бы куда привлекательнее для противоположного пола, если бы кто-нибудь взялся ее просветить...

– Хватит! – оборвал его Тристан. – Или ты хочешь сделать это сам?

– Ради всего святого, нет! – Норгрейву даже не пришлось разыгрывать возмущение. – И у меня, знаешь ли, есть принципы!

– Неужели? Может, один-единственный, да и тот давно заблудился в твоей пустой башке! – поддразнил его Тристан.

– Задница!

– А ты мерзавец! – почти ласково отозвался герцог. В этот момент он как раз увидел знакомый профиль. – Прекрасно! Его-то я и искал!

– Ты о ком? – Норгрейв бросил взгляд в том же направлении.

Мужчина, о котором шла речь, почувствовал, что на него смотрят, и в свою очередь окинул взглядом толпу. Скоро он, заметив наших джентльменов, помахал в знак приветствия.

– Джеспер! – Тристан кивнул и жестом показал, что хотел бы побеседовать за пределами бального зала. – Мне все же удалось уговорить графа продать своего призового скакуна.

– В это я не поверю. Признавайся, что у вас с ним за дела.

– Никаких дел, помимо того, о котором я упомянул, – со смешком возразил Тристан.

Многие представители знати, включая Норгрейва, желали приобрести этого скакуна.

– Врешь! Джеспер так трясется над своими лошадьми, словно сам произвел их на свет!

– Отвратительное и безосновательное предположение, – промолвил Тристан, думая о том, что за подобные инсинуации можно угодить под суд, а то и на виселицу. – Ты просто завидуешь, потому что он принял мое предложение, а не твое.

– Я просто умираю от зависти! – легко согласился Норгрейв. – Неужели я не говорил раз сто, что ненавижу тебя за твою треклятую везучесть?

– Не сто, а тысячу раз. И все-таки сомнительно, что мы поссоримся из-за лошади.

Норгрейв помотал головой.

– Или из-за женщины. Их много, и ни одна не стоит того, чтобы ради нее потерять друга.

– Совершенно с тобой согласен.

Тристан знал: невзирая на разницу в характерах, в трудной ситуации он может рассчитывать на Норгрейва.

– Я найду тебя, когда закончу свои дела с Джеспером.

– И сколько ты предложил ему за эту лошадь, Тристан? Готов поспорить, целое состояние!

– Не скажу, – бросил Тристан уже на ходу. – Я не дам тебе шанса увести этот кусок первоклассной конины прямо у меня из-под носа!

Смех Норгрейва едва ли не заглушил музыку. Тристан же направился к той двери, через которую Джеспер вышел из зала.

Вечер начался не так приятно, как хотелось бы. Имоджен пыталась стоять смиренно, однако то и дело посматривала через плечо на служанку, пришивавшую оторванное кружево к юбке.

– Неужели все столь печально? Если я немедленно не вернусь в зал, нотациям матушки не будет конца, – пожаловалась она.

Неприятность случилась, когда они танцевали с лордом Эшером. Граф наступил ей на платье, и чуть ли не фут кружевного волана остался лежать на полу.

– Печально, но поправимо, миледи, – утешила ее горничная. Она не подняла головы от шитья, поэтому Имоджен видела только ее макушку в белом чепце. – Когда я закончу, никто и не подумает, что на вашем прекрасном платье была прореха.

– Господи, какое облегчение! – чуть слышно пробормотала Имоджен. – Лорд Эшер предложил заплатить за испорченный наряд, однако унижительно уже то, что он считает меня пусть хорошенькой, но разиней!

«Пока мы в Лондоне, изволь создавать о себе только благоприятное впечатление!» – часто напоминала ей матушка.

Служанка тихо засмеялась.

– Не беспокойтесь об этом, миледи. Большинство мужчин видят только миленькое личико барышни, а не ее наряд. А ваш кавалер, наступая на юбку, наверняка хотел получить преимущество перед остальными вашими поклонниками.

Имоджен еще не успела обзавестись воздыхателями, но признаваться в этом ей не хотелось.

– Каким же, позвольте спросить, образом?

Служанка, карие глаза которой лучились смехом, посмотрела на госпожу.

– Мужчины рассуждают не так, как мы, женщины! Его светлость лорд Эшер, скорее всего, поджидает вас в холле и думает, как бы остаться с вами наедине, а может, даже украсть поцелуй!

– Это было бы очень дурно с его стороны!

Щеки девушки залились румянцем, стоило ей представить, что красавец граф дерзко целует ее.

– Любая леди обрадовалась бы такому поклоннику, как граф, – подмигнула ей горничная, потом наклонилась и перерезала ножничками нитку. – Готово! Я управлялась не хуже любой мастерицы с Бонд-стрит!^[4]

Имоджен посмотрела через плечо, потом покрутилась на месте, чтобы оценить работу.

– Замечательно! Невозможно догадаться, что кружево было оторвано. Спасибо!

Девушка взяла со столика свой ридикюль, намереваясь заплатить горничной леди Кингеби за ее труды.

Лицо служанки просветлело, когда Имоджен протянула ей монету.

– Вы очень щедры, миледи. Благодарю! – Она быстро спрятала монетку в карманчик на юбке. – И удачи с вашим неповоротливым кавалером!

– Лорд Эшер не мой кавалер!

Горничная между тем подхватила корзинку с принадлежностями для шитья и направилась к другой гостье, которой нужно было починить рукав.

– Хотя кого это вообще интересует? – проговорила Имоджен скорее для себя, чем для кого-то еще. Платье теперь в полном порядке, и она признательна умелой горничной.

Девушка прошла уже полкоридора, когда увидела подругу детства, мисс Кассию Мид.

Лицо Имоджен осветилось улыбкой – девятнадцатилетняя Кассия со спутницей направились к ней.

– Кассия!

Девушки поцеловались.

Ее подруга была одета по последней моде, поэтому Имоджен пришло в голову, что здесь, в Лондоне, Кассия даже похорошела.

– Я не знала, что ты будешь на этом балу. Мы так давно не виделись! Для начала хочу перед тобой извиниться. Я получила твое последнее письмо, но все тянула с ответом, потому что...

– Я выслушаю твои извинения позже, – перебила ее Кассия. По ее светло-карим глазам было видно, что она очень рада встрече с подругой, но в голосе девушки сквозило беспокойство. – У тебя сейчас есть заботы и поважнее. По просьбе твоей матушки прислуга обыскивает дом. Герцогиня страшится, как бы ты не попала в сети к какому-нибудь беспринципному распутнику или охотнику за приданым!

Имоджен охнула от удивления. И как только мама может думать о ней так дурно? Перед выездом она выслушала отцовские наставления, теперь предстоит вытерпеть то же самое от матушки...

– Какая нелепица! – Имоджен указала на свою юбку. – У меня всего лишь оторвался кружевной волан, и я попросила горничную леди Кингеби пришить его.

Кассия обиженно надула губки.

– Ну и ладно, можешь ничего не рассказывать мне! Однако для матери придумай историю поубедительнее.

Имоджен горделиво распрямила плечи.

– Но это правда! Можешь спросить у лорда Эшера. Он... Прости, мне нужно найти маменьку!

Имоджен рассчитывала, что Кассия с подругой пройдут мимо, но девушки повернулись и последовали за ней к центральной лестнице.

– Ага! Значит, в этой истории все-таки замешан джентльмен? Я так и думала! – заявила ее подруга, многозначительно поглядывая на свою спутницу. – Кстати, ты уже знаешь, что лорд Эшер подыскивает себе жену? За последние две недели он дважды приезжал к нам с визитом, и моя матушка им совершенно очарована.

– Мы имели удовольствие принимать его у себя трижды! – объявила высокая, неприметной внешности девушка, спутница Кассии. – Лорд Эшер бывает во всех домах, где есть девицы на выданье. Вне всяких сомнений, вскоре он навестит и вас!

Имоджен удивилась тому, как легко сумела произвести впечатление на такого разборчивого джентльмена, как лорд Эшер.

– Но ведь это был один-единственный танец и мы почти не разговаривали! – возразила она.

Девушка сказала чистую правду: разговор оборвался, едва граф наступил ей на платье.

– И что с того? Вы очень скоро поймете, что в Лондоне ритм жизни несколько иной, нежели тот, к которому вы привыкли!

Фамильярность незнакомки неприятно поразила Имоджен. Если б не Кассия, она бы дала этой дурнушке достойный отпор. Намек на то, что она, Имоджен, проводит слишком много времени в провинции, граничил с оскорблением.

Когда до лестницы осталось ступить пару шагов, Имоджен остановилась.

– Благодарю вас за ценное замечание, мисс...

Кассия только теперь осознала свою ошибку и прикрыла рот ладошкой.

– Ой! Непозволительная оплошность с моей стороны! Прошу прощения! Леди Имоджен, позвольте представить вам мою кузину и добрую подругу мисс Фестон. Я много ей о вас рассказывала.

Это известие не обрадовало Имоджен, однако правила приличия никто не отменял, верно? Она сделала книксен.

– Очень приятно, мисс Фестон!

– Рада познакомиться с вами, леди Имоджен! – Новая знакомая присела и кивнула, как того требовал этикет.

– Вот и замечательно! – промолвила Кассия, и в ее орехово-карих глазах блеснуло удовлетворение. – С церемониями покончено, теперь, надеюсь, вы станете лучшими подругами!

Однако ни она сама, ни мисс Фестон, если судить по выражению их лиц, не были в восторге от этой перспективы.

– У нас еще будет время поболтать, а сейчас вам, дорогая моя, придется нас покинуть. – Перехватив вопросительный взгляд Имоджен, Кассия продолжала: – Ваша матушка дожидается вас в бальном зале.

– Да, конечно! – пробормотала Имоджен, ужасаясь своей глупости. Стоит ли удивляться, что мисс Фестон не слишком высокого мнения относительно ее умственных способностей? Она поцеловала Кассию в щеку. – Я скучала по тебе, Кассия. И очень огорчусь, если мы не сумеем выбраться вместе на прогулку или пикник, пока я в городе.

– Можешь не сомневаться, сумеем! – заверила подругу Кассия, живость которой разительно контрастировала с постным выражением лица ее кузины.

Имоджен, помахав обеим, стала спускаться по лестнице, не думая о том, что в спешке может продемонстрировать случайному наблюдателю не только свои туфельки, но и щиколотки. Оказавшись в холле, она ускорила шаг. Подошвы ее бальных башмачков скользили по отполированному мраморному полу. Имоджен почти бежала, когда возникла необходимость решить, налево повернуть или направо. Двери по обе стороны холла были открыты. Уже поворачивая, девушка машинально оглянулась, чтобы посмотреть на ту, вторую, и... неожиданно натолкнулась на препятствие. Джентльмен охнул, его руки обхватили тонкую девичью талию, и они вместе упали навзничь.

То ли благодаря провидению, то ли из-за быстроты реакции мужчины они приземлились на упругие подушки софы, а не на мрамор. Имоджен взвизгнула от неожиданности и боли, ударившись подбородком о его грудь, в то время как сама макушкой немилосердно боднула спасителя в челюсть.

– Merde!^[5] – тихо выругался мужчина по-французски. – Вы целы? На вас юбка горит?

Станный вопрос... Имоджен подняла голову, чтобы посмотреть на человека, спасшего ее от неминуемого увечья. Но все варианты достойного ответа улетучились, едва она заглянула в самые красивые глаза, какими Создатель мог наградить мужчину. И в этих обрамленных длинными ресницами серо-голубых очах читались изумление и любопытство. Взгляд Имоджен скользнул вниз, к губам, уголки которых тут же приподнялись в самодовольной ухмылке: похоже, мужчина знал, какое впечатление производит на дам его мужественная красота.

Итак, прекрасный незнакомец терпеливо ждал ответа на свой вопрос, пока она,

Имоджен, паялилась на него, как будто впервые видела представителя сильного пола!

– Вы спросили, не горит ли у меня юбка? – У Имоджен даже пересохло во рту от волнения.

Мужчина улыбнулся. Это было завораживающее зрелище. Зубы его были белыми, а дыхание наполнено запахом любимого напитка – бренди.

– Ну да. Вы влетели в комнату так стремительно, что я подумал – на вас горит платье! – Взгляд его задержался на лице девушки. – Дорогая, вы не ушиблись?

– Нет.

Она нахмурилась. Только теперь Имоджен поняла, как нелепо они выглядят со стороны. Девушка попыталась было встать, но оторваться от его мускулистой груди почему-то не смогла. Вот оно что! Он все еще обнимал ее за талию, причем одна рука спустилась непозволительно низко – почти на ее попу.

– Я... Мы... Будет лучше, если вы меня отпустите!

– Позвольте с вами не согласиться. Мне очень удобно лежать вот так, когда вы сверху!

– А мне – нет! – чопорно возразила Имоджен. Она положила ладошки ему на грудь, чтобы оттолкнуть его от себя. Что ж, никто не скажет, что она не пыталась освободиться... Но этот противный человек не желал ее отпускать. – Это возмутительно! Вы никакой не джентльмен, раз удерживаете меня против моей воли!

Имоджен ни за что бы в этом не призналась, однако готова была склонить голову ему на грудь и любоваться этим лицом много часов подряд. Он был такой... замечательный! На ее беду, мужчина прекрасно знал, что красотой превосходит многих джентльменов и что дамы легко поддаются под его чары.

– Вам еще не надоело соблюдать правила, мэм?

Конечно надоело, но она скорее прокусит себе язык, чем признается в этом! *Особенно ему.*

– Нет! Правила нужны, чтобы с нами не случилось плохого и всюду был порядок.

– Наверное, гувернантка вбила вам в голову все эти глупости, – снисходительно заметил мужчина. Его пальцы сжались сильнее, когда девушка снова попыталась освободиться. – Жизнь полна неожиданностей, и упорядочивать – занятие бесполезное. Так чему я обязан удовольствием обнимать вас, миледи?

– Ничему!

Мужчина плутовато прищурился, чем привел юную леди в еще большее смущение. Он смотрел на нее так, словно она подарок, который ему не терпится развернуть.

– Я сделала это нечаянно и попросила прощения...

– Не помню, чтобы вы извинялись.

– Я... – Имоджен запнулась. Да, действительно, он прав, но разве может приличная девушка признаться, что при виде такого красавца забыла обо всем на свете? – Ваша правда, сударь! Прошу меня простить. Я искренне сожалею, что мы с вами вообще встретились...

Его глаза расширились от изумления.

– Дорогая, я не ожидал от вас такой жестокости! И еще я скажу, что вы лгунья.

Имоджен начала сердиться по-настоящему.

– Как вы смеете! – И она попыталась высвободить руки.

– Неприятно обижать прекрасную даму, но, если мы хотим и впредь оставаться друзьями, полагаю, лучше говорить друг другу правду.

Имоджен сердито свела брови.

– Вы пьяны, сударь, или вы проделываете свой мерзкий трюк со всеми незадачливыми леди?

Смех этого человека оказался таким же чарующим, как и всё в нем. Искренний и мелодичный, он проник, казалось, в самое сердце девушки.

– Сам не понимаю, как умудрился так ловко извернуться! И, позволю себе напомнить, это вы сбили меня с ног, а не наоборот.

Имоджен покраснела от стыда.

– Напоминать мне об этом невежливо. Теперь поставьте меня на ноги, иначе...

– Куда вы спешите, дорогая? – спросил мужчина с ноткой снисходительности. – Это наша первая схватка, и я еще не попробовал вас на вкус...

– На вкус? – пробормотала Имоджен, чувствуя, как к лицу приливает кровь. – Я запрещаю вам меня целовать!

Обаятельный грубиян усмехнулся.

– Разве можно устоять перед таким соблазном?

Теплые пальцы коснулись ее затылка. Никогда еще ни один мужчина не прикасался к ней подобным образом. Это было приятно, и на том месте она ощутила легкое покалывание.

Мужчина притянул Имоджен еще ближе.

Господи, да он и вправду хочет ее поцеловать!

– Имоджен Констанция! – Голос матери был холоден как лед. – Что я вижу? Немедленно оставьте джентльмена в покое!

У Имоджен от отчаяния сжались кулачки.

– Видите, что вы наделали? Это *моя матушка!* – сердито прошептала она. – Отпустите, или мы оба дорого заплатим за ваше хулиганство!

Имоджен не удивилась бы, если бы он сбросил ее на пол, настолько компрометирующим было их положение в глазах любой разгневанной матери.

Однако мужчина приблизил свое лицо к ее лицу и прошептал так, чтобы только она одна услышала:

– Я бы не был в этом столь уверен, дорогая... Ваша матушка знает вас намного лучше, чем я, и, если судить по тону, она винит в случившемся только вас! Мне не терпится узнать больше о ваших шалостях.

– Молчите, ради бога! – воскликнула Имоджен, отталкивая его от себя.

Красавец он или нет, она и минуты его больше не потерпит, если этот мерзавец решил бросить ее на съедение львам. Вернее, львице.

– Маменька, я могу все объяснить!

Герцогиня не притопывала в нетерпении туфелькой по полу, но выражение лица леди ясно говорило, что еще мгновение – и она сама стащит дочку с дивана и отправит домой в семейном экипаже.

Не разжимая рук, он позволил девушке привстать. Он двигался синхронно с ней, демонстрируя впечатляющую силу и гибкость. Вот уже его ноги коснулись пола, а Имоджен оказалась сидящей рядом с ним на трехместной софе с зеленой обивкой.

Посмотрев по сторонам, она убедилась: кроме матери никто не стал свидетелем ее позорного падения. Заметив, что взгляд джентльмена прикован к ее корсажу, поспешно – и весьма неуклюже – поправила платье, чтобы скрыть округлости, оказавшиеся выставленными на обозрение.

Неужели все это время он пялился на ее груди? Еще бы! Воспользовался ее

неловкостью, ее уязвимым положением... Наверное, поэтому и старался подольше удержат ее!

– Вы ужасный человек, – пробормотала она и тряхнула волосами, вспомнив, что минуту назад он показался ей красивым.

Мужчина, на которого была обращена ярость Имоджен, подмигнул в ответ.

– Дайте мне хотя бы один повод не отсылать вас домой немедленно, юная леди! – пророкотала герцогиня, чей мечущий молнии взгляд устремлялся то на дочь, то на ее спутника.

Имоджен смирилась с мыслью, что в этой беде ей никто не поможет, и, глядя матери в глаза, начала свой рассказ, размышляя на ходу, стоит ли упоминать лорда Эшера.

– Я порвала платье. – Она наморщила носик. – Не важно, как это случилось.

Мужчина скрестил руки на груди, и ткань натянулась на рельефно округлившихся мускулах.

– Напротив, я очень хочу это знать! История, которая начинается с порванного дамского платья, обещает быть увлекательной. – Голос у сидящего с ней рядом Адониса^[6] был приятным и согревающим, как огонь в камине. – Мне не терпится услышать конец вашего повествования.

Имоджен покосилась на мать, вид у которой был столь же добродушный, как у рассерженного носорога. Поэтому неудивительно, что девушке захотелось прижаться к нему. Эта мысль заставила ее вздрогнуть.

– В конце моего повествования вы закрываете рот на замок, если не хотите, чтобы вас вызвали на дуэль! – отчеканила Имоджен, начиная сомневаться в умственной полноценности этого человека.

Угроза не произвела впечатления на мужчину. Он передернул плечами.

– Я владею всеми видами оружия.

Еще бы нахалу не уметь фехтовать и стрелять! Надо обладать ангельским терпением, чтобы не возжелать прикончить его через несколько минут после знакомства.

– Я убью вас собственными руками, если тронете кого-нибудь из моих родных!

– Включая вас, моя нежная Имоджен? – успел шепнуть мужчина ей на ушко.

Вихрь по имени Имоджен Констанция открыл ротик и... снова закрыл его. Большие синие глаза, аккуратный носик и пухлые губки не делали девушку красавицей в общепринятом смысле этого слова, но по-своему она была очень привлекательна. Ее светлые, медового оттенка волосы были завиты и собраны в высокую прическу, и в наряде угадывались последние веяния лондонской моды. Однако озадаченное выражение этого хорошенького личика ясно говорило, что искусство флирта ей еще только предстоит постигнуть. На беду девушки, поддразнивать ее было одно удовольствие. Очаровательная смесь возмущения, женского любопытства и невинности! Если бы ее матушка дала ему еще пару минут, он наверняка выпросил бы у малышки поцелуй...

С удивлением мужчина поймал себя на мысли, что страстно желает этого невинного поцелуя. В лучшем случае, он получился бы весьма посредственным, поскольку леди Имоджен Констанция вряд ли умеет правильно целовать джентльмена. Ну и пусть, он сам ее научит...

У Тристана был богатый опыт общения с представительницами прекрасного пола. Он с легкостью очаровывал любую – не важно, была ли это молоденькая дебютантка или дама в летах. И леди Имоджен не стала исключением. Он ей пришелся по душе, вне всяких

сомнений, однако у малышки хватило здравомыслия, чтобы воспротивиться вспыхнувшему влечению. Тристану это даже понравилось. Почти все женщины, с которыми он имел дело, оказывались бесстыжими бестиями, готовыми на все, лишь бы заполучить титулованного супруга. Первую красотку он уложил в постель, когда ему было пятнадцать. Тогда Тристану казалось, что легкие победы не могут надоесть, но уже в двадцать с небольшим он стал отдавать предпочтение менее доступным женщинам. В тот самый миг, когда Имоджен налетела на него и повалила на софу, он подумал, что вот она, добыча, на которую стоит поохотиться, пока он в Лондоне. А через какое-то время он проникся к юной леди еще большим уважением.

Имоджен чинно, не торопясь, встала с софы и направилась к матери, подспудно рассчитывая найти в ней понимание и защиту. Тристана и это не удивило. Он прекрасно осознавал: в своем уютном и ограниченном мирке Имоджен просто не могла встретить мужчину, подобного ему.

– Мамочка, все не так, как кажется! Когда горничная подшила мне юбку, я повстречала Кассию, и она сказала, что ты ищешь меня.

Тристан почти не слушал леди Имоджен, пока та объясняла матери, как оказалась на софе с незнакомцем. Обстоятельства, при которых состоялась эта встреча, его не интересовали. Он любовался ее ладной фигуркой. Фасон голубого парчового платья был весьма прост, как того требовали приличия, когда речь шла об очень юной особе. Сколько же ей лет? Больше, чем семнадцать, но меньше двадцати... Худенькие белоснежные ручки скрыты длинными рукавами, отделанными понизу оборкой из дрезденских кружев. Талия тонкая, а под турнюрором и ярдами материи угадывается женственная округлость бедер... Он легко представил ее стройные ножки обвившимися вокруг его чресл. Эта мысль отнюдь не помогла справиться с возбуждением, которое Тристан старался скрыть с момента внезапного появления в комнате ее матери. Соприкосновение тел разожгло его аппетит. Оставалось только придумать, как бы снова заманить ее в свои объятия...

Так кто же она, Имоджен Констанция? Судя по реакции матушки и дорогому шелку платьев – дочь какого-нибудь аристократа. Но родословная девушки его не интересовала. Намерения Тристана не изменились бы, окажись она дочкой молочника. Честно говоря, с представительницами низшего сословия иметь дело даже проще. Когда общество красотки наскучит, можно умерить ее разочарование парой красивых платьев или дорогим украшением. А вот юную невинную деву, находящуюся под бдительным надзором матери, лучше обойти десятой дорогой. Джентльмены, имевшие неосторожность «завоевать расположение» такой девушки, обычно оказывались связанными по рукам и ногам. В клубе часто приходилось слышать назидательные истории об этих несчастных, принесенных на алтарь Весты^[7]. Тристан привык удовлетворять свои плотские аппетиты другим способом, хотя в последние годы он крайне редко встречал девушку, ради которой ему захотелось бы отступить от своих правил.

Может, Имоджен Констанция станет приятным исключением?

Он с некоторым запозданием понял, что девушка умолкла и теперь они с матерью обе смотрят на него. Язвительного взгляда зрелой дамы оказалось достаточно, чтобы его мужское естество окончательно поникло. Тристан встал с софы и в несколько шагов преодолел разделявшее их расстояние.

– Миледи, прошу, не судите дочь слишком строго! Это чистая правда – мы столкнулись случайно. – И он благосклонно улыбнулся опешившей Имоджен. – Я не имел счастья быть

представленным вашей дочери официально и спешу загладить это недоразумение. С вашего позволения...

– Мне прекрасно известно, кто вы, ваша милость! – резким тоном заявила мать Имоджен. Учтивости оказалось недостаточно, чтобы она сменила гнев на милость. – В представлении нет необходимости, поскольку вы с моей дочкой больше не увидите. Идемте, Имоджен!

Грубость матери удивила юную леди. Разрываясь между дочерними чувствами и элементарной вежливостью, она застыла на месте. На мгновение Тристану показалось, что девушка, презрев приказ матери, все-таки назовет свое полное имя.

– Имоджен! – Белокурая прелесть сделала книксен и посмотрела на него с грустью. – Прошу прощения, ваша милость. В следующий раз, входя в комнату, я буду осмотрительнее.

Тристан коротко поклонился.

– Позволю себе в этом усомниться! И искренне надеюсь, миледи, что окажусь поблизости, когда вы надумаете упасть в следующий раз.

Имоджен вспыхнула при этом напоминании об их нескромных объятиях. Вымученно улыбнувшись, она повернулась и последовала за своей негодующей матушкой.

«Жаль, что у крошки не мать, а дракон! – подумал Тристан, глядя им вслед. – Кто бы ни покусился на невинность Имоджен, живым ему не уйти!»

– Мама, пожалуйста, давай постоим немного! Я совсем запыхалась! – с трудом переводя дыхание, пробормотала Имоджен. Она пыталась освободить руку от крепкой материнской хватки с той минуты, как они вошли в бальный зал.

– Это наименьшее наказание из возможных, и вы его заслужили! – прошептала герцогиня на ухо дочери. – Я обязательно расскажу отцу о вашем последнем проступке, и тогда...

– Говорю же, я не нарочно! – возразила девушка.

– Зная вас...

Обидно было слышать, что матушка ей не верит, поэтому Имоджен предприняла еще одну попытку:

– Ну зачем мне бросаться на первого встречного? Это мог быть посыльный или лакей...

– О, этот джентльмен не лакей!

В переполненном зале матери пришлось замедлить шаг, и Имоджен была благодарна за небольшую передышку.

– В Лондоне десятки достойных холостяков, но вы выбрали именно его! – И герцогиня фыркнула от отвращения.

Имоджен оглянулась на входные двери, в то время как мать дернула ее снова, чтобы не останавливалась. *Он* последовал за ними. Хорошо, что воспитание не позволило ему пойти дальше. Красивый незнакомец остановился у колонны из змеевика^[8] и, прислонившись к ней плечом, стал рассматривать гостей.

Девушка вздрогнула, когда взгляд его серо-голубых глаз остановился на ней. Его красивые губы сложились в многозначительную улыбку. Между тем расстояние между джентльменом и двумя леди все увеличивалось. Имоджен посмотрела на мать, злясь на себя за то, что таращится на него как полоумная. Нет ничего дурного в том, чтобы интересоваться мужчиной, но сам он об этом знать не должен!

– Кто этот человек? Охотник за приданым? Убийца? – спросила она.

Герцогиня с выражением вздохнула, остановилась и посмотрела на дочь.

– В этой ситуации ваш юмор неуместен! Лорд и леди Кингеби – здравомыслящие люди, и они не стали бы приглашать в свой дом убийцу. Чего нельзя сказать о вас!

Это было уже настоящее оскорбление.

– Еще раз говорю – я не...

– Я вам верю, – отозвалась герцогиня, спеша погасить назревающую ссору с дочерью. – Джентльмен, о котором идет речь, – это Тристан Бейли Рук, герцог Блекберн.

Имоджен заморгала от удивления. Молодой и красивый герцог обратил на нее внимание, а матушка совершенно этому не рада? Наверное, что-то не так с самим джентльменом. У него скверный характер или дурные наклонности, о которых ее мать, разумеется, наслышана.

– Наверное, у него есть жена! – высказала она очередную догадку и почувствовала, как сердце сжимается от разочарования. – И целая вереница любовниц! Поэтому вы так огорчились, матушка?

– Герцог холост, – ответила герцогиня, которой надоели расспросы дочки. – Имоджен, несмотря на это, я настаиваю, чтобы вы держались от него подальше. Не знаю, что привело

Блекберна в дом лорда Кингеби, но он явился не за тем, чтобы подыскать себе невесту!

Имоджен попыталась найти упомянутого джентльмена глазами, однако гостей в зале было слишком много.

– Почему вы так говорите?

– Герцог Блекберн относится к числу джентльменов с дурной репутацией. – Лицо герцогини смягчилось, и она ласково погладила дочку по щеке. – Имоджен, ваш отец и я рассчитываем подыскать вам достойного жениха уже в этом сезоне, но прошу, обратите свой взор на других претендентов! Герцог Блекберн – человек своенравный и в свои двадцать пять еще не задумывается о женитьбе. Как и многие сверстники, он злоупотребляет алкоголем и азартными играми, к тому же пользуется услугами куртизанок. У него прекрасная родословная, но что касается характера... Не могу сказать вам о нем ничего хорошего. Поэтому прошу, пресекайте любые попытки флирта с его стороны!

Остатки гнева, вызванного поведением матери, испарились.

– Матушка, если этот джентльмен таков, как вы говорите, сомневаюсь, что он обратит на меня свое внимание! Во мне нет ничего необычного, интересы у меня самые что ни на есть приземленные. Вы со мной согласны?

– Нет, дитя мое, вы не правы! Скромность сослужит вам службу, когда настанет пора очаровывать будущего супруга. Но вы должны знать, что красивы и ваша красота будет привлекать к вам мужчин – как достойных, так и тех, кто руководствуется только низменными порывами. Мы с отцом станем направлять вас по мере сил, а ваш долг – прислушиваться к советам!

– Конечно, матушка! – промолвила Имоджен, недоумевая, отчего на душе вдруг сделалось так грустно. Она слишком мало времени провела в обществе герцога Блекберна, чтобы сожалеть о нем. – Вы с папенькой желаете для меня лучшего. Вам не следует обо мне тревожиться!

– Еще бы нам о вас не тревожиться! Ни дня без проказ – вот ваш девиз с самых ранних лет. Поэтому я не жду от вас чудес, дитя мое, – герцогиня улыбнулась дочери. – А теперь я хочу представить вас нашим добрым знакомым!

Со своего места герцог видел, что лицо зрелой дамы просветлело. Значит, она простила дочери ее маленькую оплошность, и теперь они рука об руку направлялись к небольшой группе гостей, которая приняла их весьма приветливо. Скорее всего, это первый для Имоджен сезон в Лондоне. Судя по ее невинной застенчивости, девушка росла в семейном поместье, в сельской местности. Неудивительно, что с матушкой чуть не приключился апоплексический удар, когда она обнаружила свое целомудренное дитя в его объятиях!

– Как прошел деловой разговор? – спросил Норгрейв, появляясь из-за колонны.

Тристан не мог оторвать взгляд от тонкого профиля Имоджен. На губах его играла отсутствующая улыбка.

– Вполне удовлетворительно. Ты уже успел обыграть какого-нибудь толстосума, пока меня не было рядом?

– Я старался как мог! – Маркиз быстро понял, что внимание друга обращено не на него, и взглянул в ту же сторону. – Ну, кого ты успел себе присмотреть?

– Никого, – ответил Тристан, неохотно отворачиваясь. Он знал Норгрейва лучше, чем кто бы то ни было. Юная леди, недавно прибывшая в столицу из провинции, стала бы для маркиза слишком легкой добычей.

– Нонсенс! Кто-то из этих нарядных куколок заставил забиться твое сердце.

Тристан пренебрежительно фыркнул, и его собеседник поспешил поправить себя:

– Ты прав, вернемся с небес на землю. Мне пора бы знать, что твои порывы, Блекберн, рождаются не в сердце, а в гульфике!

Друзья вместе посмеялись над этой шуткой.

Но соревновательная натура Норгрейва не позволила ему отойти от темы, которую Тристан с удовольствием оставил бы. Маркиз продолжал внимательно изучать гостей в зале.

– Ну же, покажи мне эту даму! Кого ты удостоишь своим вниманием в этом сезоне?

– Мне жаль тебя разочаровывать, но дебютантки в этом году не радуют глаз, – соврал герцог.

– Неужели? Циничное замечание, Блекберн! Обычно среди них попадает одна или две, на кого приятно посмотреть. – Но в голосе маркиза не чувствовалось особой уверенности. – Посмотри-ка туда! Очаровательное создание, ты не находишь?

Тристан зевнул.

– Которая? Та, что с рыжими волосами?

Маркиз даже наклонил голову, рассматривая девушек.

– Она тоже хороша по-своему, но я говорю о блондинке.

Разумеется, взгляд Норгрейва задержался на Имоджен, хотя в комнате было не меньше пятидесяти женщин. Тристан про себя выругался.

– Блондинка в зеленом?

– Я не замечал, чтобы у тебя были проблемы со зрением, – нахмурился его приятель. – Даме в зеленом столько же лет, сколько нам вместе взятым! Я смотрю на девушку в голубом платье. Теперь увидел?

Еще бы! Тристан успел заметить, что красоту Имоджен отметили не только они с маркизом. За последние несколько минут ряды ее восхищенных поклонников пополнили еще два джентльмена.

– Леди в голубом, говоришь? – Герцог задумчиво посмотрел на девушку и поджал губы. – Ты прав, хорошенькая.

Брови маркиза поползли вверх.

– Хорошенькая? Скромная похвала для женщины, которую многие называли бы богиней!

– Ты называешь их богинями ровно до той минуты, когда они падают к твоим ногам, – отозвался Блекберн, чувствуя, что в друге просыпается охотничий азарт. И это была чистая правда: одержав победу, Норгрейв быстро терял интерес к женщине.

– Я предпочитаю видеть их на кровати лежащими на спине, – поправил он друга. – А блондиночку мне не терпится увидеть во всех моих любимых позах!

Тристан передернул плечами и постарался изобразить равнодушие.

– На здоровье!

Норгрейв подозрительно прищурился, и герцог понял, что переигрывает.

– Ты был ей представлен? – спросил маркиз.

Тристан не без раздражения покачал головой.

– Нет.

– Ты умеешь врать, Блекберн, и многих тебе удастся провести, но только не меня! Я знаю тебя с детства, и между нами никогда не было секретов. Признавайся, какими ухищрениями ты добился этого?

Не зная что ответить, Тристан провел рукой по своим темным волосам.

– Мы не были представлены друг другу должным образом.

– Ее крокодилица-матушка тебя отвадила? – Глаза Норгрейва насмешливо улыбались. –

Унизительно, а, Блекберн?

– Пожалуй.

Вероятно, было что-то противоестественное в удовольствии, которое доставил маркизу тот факт, что Тристану не удалось произвести впечатление на юную леди и ее матушку.

– И даже твой титул и смазливое лицо не привели их в трепет? Какое разочарование!

– Боюсь, дурная слава бежит впереди меня, – легко согласился Тристан. Прежде ему без проблем удавалось обойти препятствия подобного рода.

Норгрейв ободряюще хлопнул друга по плечу.

– Зато все знают, что истории, которые о нас ходят, – чистая правда!

– До последней пикантной подробности!

– Именно!

Маркиз прислонился к колонне и стал изучать Имоджен и ее мать с таким видом, словно перед ним была головоломка, которую предстоит решить.

– Это может показаться хвастовством, но...

Тристан засмеялся.

– Даже очевидная неиспорченность этой юной леди не остановит тебя?

– Нет конечно! – не раздумывая ответил маркиз. – И предупреждаю тебя сразу: я первый ее увидел! И я знаю полное имя этой леди. – Норгрейв самодовольно усмехнулся.

«Имоджен Констанция...» Тристану хотелось сказать, что ее имя ему известно. Оставался еще шанс, что его друг преувеличивает свою ловкость.

– Ты был в игорном зале. Сомневаюсь, будто там тебе удалось добиться того, чтобы быть представленным, – сказал герцог.

«И в это время Имоджен находилась в моих объятиях...»

– Ты тупица, Блекберн! Сведения можно добыть разными способами! – Было очевидно, что его друг наслаждается этим словесным поединком. – Мы не единственные мужчины в доме, кто обратил внимание на леди Имоджен Сантер. За карточным столом активно обсуждают ее приданое. Судя по разговорам, родители преисполнены решимости ввести девушку в лучшие дома столицы.

– Сантер? Так значит, это... – Брови Блекберна поползли вверх, стоило ему осознать, что родословная девушки почти столь же впечатляющая, как и его собственная.

– Старшая дочь герцога Треветта.

– И ее батюшка в большом фаворе у короля, – тихо добавил Тристан, удивляясь про себя, как это герцогиня Треветт не потребовала подать его голову на блюде после того, как застала их с Имоджен обнимающимися на софе. А ведь еще пара минут, и он бы поцеловал девушку...

«Леди Имоджен – любимая дочка титулованной особы, к мнению которой прислушивается король!»

Герцог едва слышно выругался. Если только он не планирует в обозримом будущем обзавестись семьей, эту леди лучше оставить в покое.

– Не слишком ли она молода, чтобы быть выставленной на ярмарке невест? – спросил Тристан, чье настроение ухудшилось с тех пор, как Норгрейв поделился с ним сведениями о леди.

Норгрейв все это время с нескрываемым восхищением разглядывал дочь герцога.

– Она уже достаточно взрослая для замужества. По слухам, папаша Треветт имеет большие надежды пристроить свою чистопородную кобылку к жеребцу королевских кровей. И у него почти получилось, но в итоге что-то пошло не так. Не знаю, которая из сторон отказалась от сделки.

Будучи юной, красивой и знатной, Имоджен могла претендовать на самую выгодную партию, и все же Тристан не представлял ее в роли невесты какого-нибудь уродливого иностранного принца или больного старого короля, жертвующей собою ради титула. Даже мысль об этом была ему противна.

– Полагаю, родители ее очень любят, – сказал он, вспоминая, как быстро герцогиня простила дочь.

– И потакают ее прихотям. Я намереваюсь действовать в том же ключе.

Взгляд Тристана переместился на Норгрейва, который, судя по тону, говорил вполне серьезно.

– С каких пор тебя стали заботить чужие прихоти, бессердечный ты негодяй? Герцог Треветт прикажет тебя кастрировать, если ты посмеешь хотя бы заговорить с его дочкой.

«А если он узнает, что я уже обнимался с Имоджен, то и моему “дружку” не сдобровать!»

Норгрейв лишь отмахнулся.

– Согласен, добиться расположения леди Имоджен будет очень непросто. Но мы обходили и не такие препятствия, если цель того стоила.

У Тристана кровь застыла в жилах, когда он понял, какое направление приняли мысли его друга.

– Нет!

– Какого дьявола? Почему? – капризно спросил маркиз. – Мы лет сто не спорили на что-то стоящее.

Они с Норгрейвом были азартны от природы. С детства соревновались, кто лучше, шла ли речь о том, чтобы обогнать приятеля в беге или в заплыве через зарыбленный пруд. Победа доставалась то одному, то другому, и со временем, когда оба повзрослели, ставки тоже стали более изощренными и высокими. Жажда победы, постоянно снедавшая Норгрейва, часто приводила друзей на тернистые тропы, куда лучше бы не заглядывать. Когда они достигли возраста леди Имоджен, главным соревнованием стали женщины. Годами они очаровывали, обхаживали и укладывали в свою постель бесчисленных представительниц прекрасного пола ради одного лишь сладкого вкуса победы.

– К чему задавать себе столько хлопот? – спросил Тристан, хотя мысль о соблазнении леди Имоджен была слишком большим искушением, чтобы легко от нее отказаться. – Да и сама игра в соращение мне давно надоела. Особенно если учесть, что в последние годы я почти всегда выигрываю.

– Вот уж *нет!*

– Я не виноват, что женщины предпочитают мою смазливую физиономию твоей! – поддразнил друга Тристан, хотя и понимал, что этим только раззадорит его.

Однако Норгрейв не оценил шутку.

– Может, эти глупые гусыни и тают при виде твоей ямочки на подбородке и глаз с поволокой, когда ты расточаешь свои лицемерные комплименты, зато, стоит им оказаться подо мной, мое орудие заставляет их вздыхать и кричать: «Еще! Еще!».

Представив Имоджен лежащей под Норгрейвом, Тристан вздрогнул. За другом

закрепилась репутация весьма жестокого любовника. Отчасти поэтому маркиз и предпочитал спать с куртизанками. Они знали правила игры и получали щедрую плату за услуги. Нет, Иможден слишком невинна, и синяки на ее бледной коже будут выглядеть так ужасно! Если уж ей суждено выбрать себе возлюбленного, им станет он, Блекберн!

– Что ты предлагаешь?

Норгрейв был на дюйм выше друга и воспользовался этим преимуществом, чтобы, приблизившись на шаг, посмотреть на него сверху вниз.

– Пари!

Тристан не хотел соглашаться. Ему надоели все эти игры со ставками и живыми выигрышами, однако он был готов уступить и на сей раз, лишь бы удержать маркиза подальше от леди Иможден.

– Будем играть по старым правилам или ты придумал новые?

Пребывая в полнейшей уверенности, что в итоге добьется своего, Норгрейв сказал:

– Не станем усложнять. Никаких ограничений! В таком случае ты не сможешь сказать, что игра скучная.

– Так не пойдет. Нужны хоть какие-то правила, – возразил Тристан. – Иначе я уложу в постель первую встречную и объявлю себя победителем!

– Хорошо, если ты настаиваешь... – Маркиз ненадолго задумался, изобретая правила, которые его друг найдет приемлемыми. – Как только игра начнется, мы будем проводить с нашей леди одинаковое количество времени. Согласен?

– А если ты ей не понравишься?

Норгрейв цинично улыбнулся, продемонстрировав красивые ровные зубы.

– Так не бывает, мой друг. И я настаиваю на честной игре. К примеру, запрещается говорить нашей даме, что я, к несчастью, страдаю «французской болезнью»^[9]. Такие приемы недопустимы и будут считаться нарушением правил, которых и так не много.

Нельзя сказать, чтобы Тристан этим гордился, но тактика оказалась весьма действенной.

– Я только один раз обмолвился леди о том, что ты сифилитик. А той брюнетке с неровными зубами я сообщил, что ты по ошибке отстрелил себе «мужское достоинство», когда чистил дуэльный пистолет.

Норгрейв уставился на свои башмаки, и невозможно было понять, злится он или сдерживает смех. Когда же он снова посмотрел на Тристана светло-голубыми глазами, их взгляд был ясным и спокойным.

– То-то я недоумевал, что же такое ты мог ей сказать! Эта дурында до сих пор таращится на мои штаны, стоит ей увидеть меня! – Он кивнул, словно бы одобряя дерзкую придумку Тристана. – Сообразительность не поможет тебе выиграть это пари. Если ты скажешь леди что-нибудь, что отвратит ее от меня, соревнованию конец и победителем стану я!

– Справедливо! И какой будет ставка? Деньги? Недвижимость? Мой новый жеребец, которого ты так хотел купить?

– Я придумал нечто более оригинальное. Мы же не хотим, чтобы ты заскучал, правда, Блекберн? Пускай это будет нечто настолько редкое и ценное для владельца, что отдать его можно только раз в жизни! – Понимая, как не терпится Тристану получить объяснения, Норгрейв сделал паузу с намерением усилить эффект. – Пусть это будет... целомудрие особы, на которую спорим!

– Тот, кто оберегает это целомудрие, может предпринять ответные меры, и весьма

жестокие, – с улыбкой отозвался Тристан, хотя на самом деле ему было невесело.

Женщины, за которыми они с Норгрейвом волочили и которых оспаривали друг у друга, не были девственницами. Замужние леди, вдовы, знаменитые куртизанки, актрисы и певички – все они лишились невинности задолго до встречи со своими азартными соблазнителями. Связь с такой особой обычно длилась недолго, и никто не страдал после разрыва.

– И еще – леди, о которой идет речь, не должна знать о нашем споре. Родители выставили ее на рынке невест, и никто не удивится, если у нее появится еще два поклонника.

И все-таки Норгрейв – беспринципный мерзавец...

– Ты имеешь в виду леди Имоджен Сантер, я правильно понял? – резко спросил Тристан.

– Заманчивая и труднодостижимая цель, не так ли?

– Ты шутишь! Как я уже говорил, ее отец оскопит любого, кто посмеет хоть пальцем до нее дотронуться!

– Это придаст охоте остроты!

Тристан сомневался. Он презирал себя за то, что в глубине души жаждал принять участие в этой «охоте». Заклучи они с Норгрейвом пари, он пустил бы в ход все свои ухищрения, чтобы уложить юную особу в постель. С самого начала его чувства по отношению к леди Имоджен не были возвышенными. Наверное, друг знал об этой его потаенной порочности, поэтому избрал невинность леди в качестве награды, которую Тристан не захочет упустить.

Он предпринял последнюю попытку:

– Это неправильно. Выберем другую женщину. Другой заклад.

Норгрейв схватил его за подбородок. Тристан противился, потому что ему не нравилось, когда кто-то пытался им управлять, и в особенности его друг. И это была не та битва, которую нужно выиграть любой ценой. Взгляд его снова остановился на леди Имоджен.

– Посмотри, мужчины вьются вокруг нее, как трутни вокруг пчелиной королевы, – прошептал маркиз ему на ухо. – Думаешь, кто-то из них отказался бы попробовать ее на вкус, если бы представилась возможность?

Среди джентльменов, оспаривавших друг у друга внимание герцогской дочери, было много знакомых. Внезапно возникшее желание присоединиться к их числу удивило Тристана. Он подумал, что тому виной Норгрейв. Все эти разговоры о пари и девственности в качестве ставки пробудили в нем инстинкты защитника по отношению к созданию куда более уязвимому, чем оно само осознавало.

– У них благородные намерения. Никто из этих господ не планирует обесчестить леди Сантер. И я скажу, что это слишком омерзительно даже для тебя, Норгрейв.

Маркиз картинно развел руками.

– Раз так, пари выиграл я!

Тристан сжал кулаки. Он чересчур привык соревноваться с Норгрейвом по поводу и без, чтобы сдаться без боя. Сквозь зубы герцог пробормотал:

– Согласен, если тебе от этого легче!

– Твоя щепетильность делает тебе честь, дружище! Но ты прав. Победа, полученная без усилий, не так сладка. – Норгрейв встал перед Тристаном, заслоня собой леди Имоджен Сантер. – У меня появилась блестящая мысль! Что, если все же выполнить условия пари, прежде чем объявить себя победителем?

– И что ты намереваешься делать?

– Без твоего вмешательства соблазнить леди Имоджен окажется до неприличия просто. Она лишится девственности, и условия нашего незаключенного пари будут выполнены. О даме можешь не беспокоиться. Когда я заману ее к себе в постель, она уже будет молить меня о ласке...

– Ты хитрый дьявол, Норгрейв!

Тристан заскрипел зубами от злости. Согласится он спорить или нет, леди Имоджен утратит целомудрие. Этот изворотливый мерзавец Норгрейв загнал его в угол. Теперь ему остается либо отойти в сторону и смотреть, как друг совращает леди Имоджен, либо сражаться за право соблазнить ее самому.

«Я захотел ее соблазнить еще до того, как Норгрейв бросил мне вызов, объявив эту девушку наградой. Так почему бы не сделать это теперь?»

На самом же деле выбора у него не было.

– Я передумал. Принимаю твое чертово пари! Строй какие хочешь козни – победителем все равно буду я.

Маркиз не только не рассердился, он даже выглядел довольным. Правда, отступил на шаг, как если бы угадал подспудное желание друга ударить его.

– Что ж, попробуй! Только помни, что многое зависит и от леди Имоджен. Любопытно будет увидеть, кого из нас она выберет себе в любовники!

– Я слышала, вы были вчера на балу у лорда и леди Кингеби, – сказала леди Шарлотта Винтер, миловидная девятнадцатилетняя блондинка со светло-кариими глазами.

Хозяйка дома леди Якли только что представила ее и леди Сантер друг другу. Имоджен оглянулась в поисках матери. Ее милость беседовала с незнакомой пожилой дамой. Словно почувствовав взгляд дочери, она сделала паузу и, одобрительно улыбнувшись, вернулась к разговору.

По словам матушки, дружеские связи, приобретенные Имоджен в этом сезоне, будут сопровождать ее на протяжении всей жизни. Девушка в который раз поймала себя на мысли, что иногда быть дочкой герцога и герцогини не привилегия, а тяжелое бремя.

– Да, я была там с родителями. – Она кивнула, радуясь, что внесла свою лепту в беседу, хотя леди Шарлотта, как выяснилось, умело вела обе партии – и вопрошающего, и отвечающего. Эта юная леди болтала без умолку.

– Я тоже была на балу с родителями! – Орехово-карие глаза белокурой мисс Винтер блестели от возбуждения. – Я уже упоминала, что леди Кингеби и моя матушка – близкие подруги?

– Нет, я этого не знала, – пробормотала Имоджен. Пока ее новая подруга объясняла леди Якли степень родства, связывавшего ее семью с семьей лорда Кингеби, она незаметно разглядывала других гостей.

В гостиной собрались представители всех возрастов: дети, которые толпились вокруг искусно сервированного длинного стола, заставленного блюдами с пирожными, фруктовыми пирогами и печеньем; ровесники той дамы, с которой беседовала герцогиня Треветт, – молодые леди и джентльмены в расцвете сил. Если уж литературный вечер собрал в доме леди Якли столько гостей, можно было не сомневаться, что и другие ее приемы будут иметь успех в этом сезоне.

– Я еще никогда не была на литературном вечере! Наверное, стоило захватить с собой любимую книгу? – спросила Имоджен, надеясь, что ее вопрос не прозвучит слишком уж провинциально. – Матушка толком не объяснила, что от меня требуется. Но, насколько я вижу, гости леди Якли не слишком интересуются ее книгами.

Леди Шарлотта захихикала, однако во взгляде светло-карих глаз девушки была одна лишь доброта.

– Литературные вечера устраивают круглый год, и, в зависимости от круга приглашенных, они могут быть очень скучны. Зато леди Якли всегда правильно приглашает гостей. – Она, наклонившись к Имоджен, прошептала: – Я говорю о правильном количестве мужчин и женщин. И они всегда не слишком старые и не слишком молодые.

– А какова цель этого собрания? – спросила озадаченная Имоджен. – Вы сейчас говорите о приглашенных гостях или о писателях?

– О гостях, конечно, глупышка! – Леди Шарлотта была на несколько дюймов выше Имоджен, внешне девушки казались похожими, так что их вполне можно было принять за кузин. – И среди них обычно много весьма достойных джентльменов. В литературном салоне леди Якли бывают самые завидные женихи Лондона. А еще у нее есть прекрасный сад, где можно прогуляться с кавалером и как следует рассмотреть его при дневном свете. Вы не представляете, какие ужасные недостатки внешности можно не заметить, когда в комнате

горят только свечи!

Имоджен сжала губы, размышляя над услышанным.

– Тонкое наблюдение! Я бы не подумала... – Мысли девушки вернулись к мужчине, которого она накануне так неосторожно сбила с ног. Его тело было мускулистым и стройным, глаза – само очарование. В свете свечей он показался ей красавцем – настоящим Адонисом, богом любви и страсти. – Значит, если встречаешь в бальном зале красивого джентльмена, верить глазам не следует?

Радуюсь возможности поделиться своими наблюдениями с подругой, леди Шарлотта порывисто взяла Имоджен под руку, и они стали прохаживаться по периметру гостиной.

– Глупости! В городе полно красивых холостяков. Но если у вас все-таки появились сомнения, рекомендую прогуляться с джентльменом в саду или же выехать на конную прогулку в парк.

Все гости леди Яксли нашли занятие по душе – гуляли по саду, вели беседы или же отдавали должное изысканным закускам, поданным тут же, в гостиной. Имоджен подумала, что для нее большая удача – познакомиться с леди Шарлоттой. Чтобы выбрать приемлемого супруга, ей понадобятся любые разумные советы и любая помощь, которыми только можно заручиться.

– Пожалуйста, расскажите мне обо всем подробнее! – попросила она.

– Раз уж это была твоя идея и вечер уже испорчен, скажи хотя бы, зачем мы сюда приехали? – сердито спросил у друга Тристан.

Это была уже третья жалоба за последние пять минут, и он злился на себя за то, что уподобляется нытикам, которых презирал.

– Это же литературный вечер, а не экзекуция, Блекберн, – ответил лорд Норгрейв, который, невзирая на довольно скучное собрание в гостиной, пребывал в отличном настроении. – Гости леди Яксли – интеллектуальные личности со сходными взглядами, и они собрались, чтобы обсудить свои любимые произведения. Я слышал, это очень увлекательно.

Тристан обвел степенную публику взглядом.

– Ты, наверное, выпил за обедом несколько бутылок вина? Единственная оживленная дискуссия, насколько я вижу, происходит возле стола с десертами, где две леди выбирают между печеньем с фруктами и кексом. Спросили бы совета у того рыжеватого господина, который навалил себе на тарелку целую гору сладостей! – Блекберн еще раз посмотрел по сторонам, не обращая внимания на то, что его приятель изо всех сил сдерживает смех. – А еще, заметь, ни единой книги в пределах видимости! Все-таки литературный вечер – могли бы захватить с собой томик или два. Ты со мной согласен?

– Блекберн, твоих наблюдений хватит, чтобы любой скучный вечер перестал быть скучным! Но, друг мой, у нас теперь есть общая цель, и ради нее придется идти на жертвы и выбирать нетореные тропы.

Тристан сердито посмотрел на друга.

– Что за чушь?

До этих пор Норгрейв с интересом рассматривал гостей, но вдруг он замер и выражение его лица стало серьезным. Что-то или кто-то привлек его внимание.

– А вот и причина, по которой мы тут! Привить тебе любовь к литературе все равно не удастся, поэтому найдем занятие поинтереснее.

– Дались тебе мои познания в литературе! Все, что хотел и что было необходимо, я прочитал. Я люблю книги, и если меня не увлекают дискуссии на тему символизма в произведениях Чосера, это еще не значит... – Тут лишь Тристан заметил, что маркиз его не слушает. – Ты так и не сказал, почему мы торчим в этом доме в такую чудесную погоду.

– Леди Имоджен, – коротко ответил Норгрейв.

Все тело Тристана моментально напряглось.

– В отличие от тебя, мой друг, я действую целенаправленно и решительно, когда вижу перед собой цель. Это мое преимущество. Сожалею, что испортил тебе вечер, но ты должен понемногу привыкать к разочарованиям. Это лишь начало. Я выиграю наше пари.

Взгляд Тристана перемещался от дамы к даме, пока он не увидел ту, кого искал. Конечно же, после полудня девушка была в белом платье. Весь ее облик как нельзя лучше соответствовал роли жертвы-девственницы, уготованной ей Норгрейвом. Леди Имоджен Сантер была занята беседой с миловидной белокурой девицей своих лет. Говорила в основном эта девица, а Имоджен кивала, то и дело поглядывая в окно, на залитый солнечным светом сад. Еще через мгновение она прикрыла рот рукой, чтобы скрыть зевок.

Выходит, Тристан был не единственным гостем, которому на этом полуденном мероприятии было скучно. Он улыбнулся, когда девушка зевнула еще раз.

– Кто эта юная леди, собеседница мисс Сантер? – спросил герцог, хотя и не особенно рассчитывал на то, что друг знает об этом. Он думал только об Имоджен.

– Леди Шарлотта Винтер, – ответил Норгрейв. Маркиз гордился тем, что ему были известны имена всех молодых женщин из хороших семей, которые приезжали на сезон в столицу. – Кстати, тебя представляли ей дважды.

Тристан не счел нужным ответить на эту ремарку. Он вспомнил, кто родители этой леди и то, что сам он несколько раз имел честь беседовать с ее отцом, но разговор у них шел о политике и торговле. Про дочку граф не упомянул ни разу.

– Я забыл ее имя.

– Леди Шарлотта – милейшее существо! Миленькая, но, конечно, не красавица. Получила недурное образование. У ее папеньки хорошие связи, которые пригодились бы любому джентльмену с политическими амбициями. – Прищурившись, Норгрейв придирчиво рассматривал упомянутую леди. – Добродетельна и старается понравиться... Что ж, отличный выбор, если тебе нужна жена, хотя ее привычка постоянно щебетать может вызвать раздражение.

– Полагаю, ты говоришь, исходя из собственного опыта? – спросил Тристан, которого позабавил досадливый тон друга.

– К несчастью, да. – Маркиз нахмурился. – Как и большинство женщин, леди Шарлотта без ума от меня.

Какое самодовольство!

Тристан укоризненно покачал головой.

– Твоя уверенность, будто все дамы в тебя влюблены, поражает.

– Это чистая правда! – отозвался маркиз подозрительно вкрадчивым тоном. – Куда это ты собрался?

Тристан выдержал паузу и посмотрел на друга.

– Хочу возобновить знакомство с леди Имоджен.

– Ты так и не рассказал, при каких обстоятельствах вы познакомились, – произнес Норгрейв, и они вместе направились туда, где стояли молодые леди. – Это на тебя не похоже

– не поделиться с другом забавной историей!

– Причина проста – нет никакой истории! – солгал он. – И потом, мы оспариваем друг у друга внимание этой леди. Зачем мне выдавать свои секреты?

Губы маркиза сложились в улыбку.

– Как твой лучший и самый близкий друг, я могу сказать, что знаю многочисленные недостатки и грешки, свойственные тебе. Между нами никогда не было секретов, Блекберн.

– Это правда, – вынужден был признать Тристан, хотя и без особой радости. Норгрейв поразительно быстро добывал любую информацию, когда ему было нужно. – Но и данное обстоятельство не помешает мне выиграть наше пари!

Радуюсь, что последнее слово все-таки осталось за ним, Тристан устремился навстречу леди, которая, как он надеялся, не даст ему погибнуть от скуки.

– Еще советую вам записывать в дневник имя каждого джентльмена, которого вам представляют, и делать пометки, если он произвел благоприятное впечатление, – говорила леди Шарлотта. Было очевидно, что эта тема очень ее занимает. – Не помешает также уточнить, что вам понравилось или не понравилось в облике кавалера и какое у вас о нем сложилось мнение.

– Вы относитесь к этому очень серьезно, насколько я вижу, – промолвила Имоджен с любопытством и восхищением. – Но как вы используете эти сведения впоследствии? Показываете вашему папеньке?

Леди Шарлотта тихо засмеялась и ответила с легким укором:

– Нет конечно! Это для личного пользования! Своими впечатлениями я делюсь только с подружками. Было уже несколько случаев, когда я уберегла от огромного разочарования молодую леди, возлагавшую надежды на недостойный объект.

Стоило ли удивляться, что родители считают, будто она, Имоджен, слишком легкомысленно относится к выбору супруга?

– Можете ли вы рассказать мне что-нибудь вот об этом джентльмене? – спросила леди Сантер, посмотрев на молодого человека примерно их лет, стоявшего неподалеку.

Ее новая знакомая поджала губки, рассматривая привлекательного юношу со светло-русыми волосами.

– Ему двадцать один год, второй сын графа. Образован. Любит вино и скачки. Очень высокого мнения о себе, из-за чего часто попадает в смешное положение. Приятный собеседник за столом, но имеет дурную привычку брызгать слюной и шмыгать носом, когда очищает зубы зубочисткой.

Не желая привлекать к себе внимание, Имоджен прикрыла рот ладошкой. Она смеялась от души.

– Господи, неужели можно узнать так много в течение одной беседы?

– Не совсем. За этим джентльменом я наблюдала годами, – весело отозвалась леди Шарлотта. – Он мой старший брат!

Плечи Имоджен затряслись от смеха, хотя она очень старалась сохранить серьезный вид.

– Я приму это к сведению, миледи. А теперь могу ли выбрать другого джентльмена?

Новая игра показалась девушке увлекательной. Она, оглянувшись, увидела, что к ним приближаются два джентльмена. С темноволосым Имоджен уже имела удовольствие встречаться, блондина же видела впервые.

– Смотрите, а вот и два добровольца! – Улыбка леди Шарлотты стала еще более

лучезарной, и она бессознательно принялась накручивать на пальчик локон у правого уха, выбившийся из прически. Судя по всему, девушка узнала джентльменов. – Ваша милость! Лорд Норгрейв! – приветствовала их леди Шарлотта, с трудом сдерживая волнение. Она присела в книксене, Имоджен последовала ее примеру. – Не знала, что вы бываете на литературных вечерах леди Яксли.

Белокурый джентльмен в светло-коричневом сюртуке и панталонах, тот, которого ее подруга назвала лордом Норгрейвом, одарил девушек обезоруживающей улыбкой.

– Я подумал, а почему бы и нет! – Взгляд мужчины переместился на Имоджен, и в нем промелькнуло нечто вроде предвкушения. Сомнений не было: он смотрел на девушек по-разному, что отражалось в его светло-голубых глазах. – Приятное с нами обычно происходит, когда меньше всего ждешь этого.

Имоджен улыбкой выразила согласие.

– Я пришла к тому же заключению, милорд.

Она чувствовала на себе взгляд Блекберна. Этого хватило, чтобы снова испытать мучительное замешательство. Было бы грубостью полностью проигнорировать герцога, поэтому девушка сделала над собой усилие и обратилась к нему со словами:

– А что скажет на сей счет его милость?

Блекберн удивил всех, и в особенности Имоджен, когда взял ее ручку, поднес к губам и поцеловал.

– Я никогда не упускаю благоприятную возможность, тем более если она сама идет мне в руки, миледи!

Коль он намеревался ее смутить, его ждало разочарование! Как ни старалась Имоджен сохранить спокойное выражение лица, легкий румянец не остался незамеченным леди Шарлоттой и лордом Норгрейвом.

– Значит, вы с Блекберном знакомы? – спросил маркиз с таким видом, словно герцог и леди Имоджен нарочно утаивают этот факт от своего окружения.

– Нет! – ответила Имоджен в ту же секунду, когда герцог сказал: «Да!»

Девушка сердито уставилась на мужчину. Свидетелями ее досадной оплошности были она сама, ее мать и Блекберн. Разумеется, приятелям герцога история показалась бы весьма забавной, но образ леди Имоджен Сантер она рисовала в самом невыгодном свете.

Леди Шарлотта посмотрела сначала на подругу, потом на герцога.

– Так кто из вас говорит правду? – продолжал любопытствовать маркиз.

Разговор принял неприятное для Имоджен направление, и она решила уличить джентльмена в обмане.

– Мы не были официально представлены друг другу! – заявила леди Сантер, надеясь, что это объяснение удовлетворит Шарлотту. Она посмотрела по сторонам, но матери не увидела.

«Как могла она оставить меня здесь одну!»

Личико леди Шарлотты прояснилось.

– Господи, куда подевались мои манеры! Я не сообразила сразу, прошу меня простить. – Она по-дружески взяла Имоджен за руку. – Леди Имоджен, разрешите вам представить Кейзона Брента, маркиза Норгрейва.

– Это честь для меня, милорд! – Имоджен сделала книксен.

Маркиз поклонился.

– Честь для меня, моя дорогая леди!

Имоджен без особого желания повернулась к его спутнику. Тот с невозмутимым видом

дождался своей очереди быть представленным. Сама того не зная, леди Шарлотта оказала Имоджен огромную любезность. Меньше всего ей хотелось кому-нибудь рассказывать, при каких обстоятельствах они с герцогом впервые встретились.

Сама леди Шарлотта, судя по всему, волнения приятельницы не заметила.

– Рада представить вам, Имоджен, Тристана Бейли Рука, герцога Блекберна.

– Ваша милость! – Имоджен присела и улыбнулась, хотя куда больше ей хотелось показать ему язык.

– Леди Имоджен! – отвесил поклон герцог. – Надеюсь, ваша матушка в добром здравии?

– Очень любезно с вашей стороны спросить об этом, ваша милость, – сказала Имоджен, прежде чем в голову ей пришла ребяческая идея. – Полагаю, вы захотите выразить свое почтение герцогине Треветт лично! Мы приехали вместе.

Блекберн слегка нахмурился. Он прекрасно понимал, что герцогиня не обрадуется, увидев его в числе гостей леди Яксли.

– Сделаю все возможное, дабы исправить впечатление, которое я произвел на ее милость!

Имоджен лукаво улыбнулась.

– Это будет несложно.

«Потому что хуже уже быть не может!»

Герцог выразил согласие легким кивком, как если бы прочел мысли девушки. Дабы хоть как-то прояснить ситуацию для леди Шарлотты и Норгрейва, Имоджен добавила:

– Герцогиня очень великодушна.

Блекберн кашлянул, прикрыв рот рукой, чтобы никто не увидел, как он улыбается.

– Прошу прощения. Готов поверить вам на слово, миледи.

– Леди Имоджен и леди Шарлотта, раз уж леди Яксли не спешит открывать литературную дискуссию, окажите нам любезность и прогуляйтесь с нами по саду! – предложил Норгрейв. Мысли его собеседников, естественно, тут же приняли новое направление, чего он и добивался. – Книжная пыль вредна для легких моего друга Блекберна, в отличие от свежего воздуха, который благотворен для всех!

[Купить полную версию книги](#)

notes

Гульфик – клапан на брюках. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

Дюйм – один метр шестьдесят сантиметров.

Гретна-Грин – небольшая деревня на юге Шотландии, где пары могли венчаться без согласия родителей, что было невозможно сделать на территории Англии до достижения молодыми 21 года. (*Примеч. ред.*)

Бонд-стрит – с XVIII века улица элитных магазинов в лондонском районе Мэйфэр.

Merde – Дерьмо! (фр.)

Адонис – герой древнегреческих мифов, который славился своей красотой; сама богиня любви Афродита влюбилась в него. (*Примеч. ред.*)

Веста – в Древнем Риме богиня-покровительница семейного очага.

Змеевик – минерал зеленой окраски с пятнами различных цветов, которые придают ему сходство с кожей змеи.

«Французская болезнь» – эвфемизм к слову «сифилис».